

eISSN 2311-2468
Том 10, № 9. 2022
Vol. 10, no. 9. 2022

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ДВОРЯНИНА А. Г.
К ВОПРОСУ О СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
МЕЖДУ ДИАЛЕКТНЫМИ НАЗВАНИЯМИ ПОСТРОЕК И ИХ ЧАСТЕЙ

Аннотация. В статье охарактеризованы родо-видовые отношения и семантические связи диалектных названий построек и их частей, проведен их структурный анализ. Особое внимание уделяется выявлению специфики данной лексико-семантической группы, описанию явлений полисемии и омонимии, основных способов словообразования диалектизмов. Исследование проводится на материале русских говоров Мордовии.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, родо-видовые отношения, диалектная лексика, постройка, семантические связи, имя существительное.

DVORYANINA A. G.
ON SYSTEM RELATIONS BETWEEN
DIALECT NAMES OF BUILDINGS AND THEIR PARTS

Abstract. The article presents a study of the genus-species relations and semantic connections of dialect names of buildings and their parts, namely their structural analysis is carried out. Special attention is paid to identifying the specifics of this lexico-semantic group, describing the phenomena of polysemy and homonymy, the main ways of word formation of dialectisms. The study is based on the material of the Russian dialects of Mordovia.

Keywords: lexico-semantic group, genus-species relations, dialect vocabulary, construction, semantic connections, noun.

Изучение лексического состава диалектов в структурно-семантическом плане имеет ряд преимуществ: позволяет полно и всесторонне установить связь между словами и обозначаемыми ими явлениями, выявить объем и значение слов, входящих в тематическую или лексико-семантическую группу, определить семантические и грамматические особенности компонентов группы, определить их словообразовательную структуру. Тематический ряд, лексико-семантическая группа и семантическое поле являются манифестацией системности лексики и отражают семантические отношения между словами и / или их денотатами (по мере возрастания). В лингвистической и диалектологической литературе проводится изучение системности лексики как в пределах одного говора, так и их совокупности. Как и в литературном языке, лексика конкретного говора характеризуется иерархичной структурой, характеризующейся тем, что лексико-семантическую группу и тематическую можно считать своеобразными микросистемами, а словарь диалекта в целом предстает как система большего порядка, объединяющая эти микросистемы, которые

взаимодействуют друг с другом, противопоставляются друг другу – семантическое поле. В то же время объединения любого ранга обладают сетью межсловных отношений – синонимических, омонимических, антонимических. Сложность и многообразие этих отношений и составляют во многом суть системных отношений лексики диалекта.

Лексико-семантической группой является «самая обширная по объему своих членов организация слов, которая объединена базовым семантическим компонентом» [3, с. 256–257]. Анализ лексико-семантической группы диалектных названий построек и их частей, представленных в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» [2], показал следующие результаты.

Лексико-семантическая группа «Названия построек и их частей» содержит имена существительные и лексикализованные фразеологизмы. Она имеет иерархическое строение, организованное семантическими отношениями гиперонимов, которые организуют ее структуру [4, с. 18]. Гиперо-гипонимические охватывают и структурируют значительную часть словарного состава языка, и говоров в том числе, являясь самыми распространенными парадигматическими связями слов. Гиперо-гипонимические (родо-видовые) отношения являются базовыми в данной лексико-семантической группе, объединяя наименования и построек, и их частей в одно системно структурированное целое.

Гиперо-гипонимическая (родо-видовая) парадигма характеризуется наличием слова – родового понятия (гиперонима) и слов – видовых понятий (гипонимов). Гиперонимом, или «инвариантом», лексико-семантической группы названий построек и их частей в русских говорах Мордовии является семантический комплекс ‘жилая или хозяйственная постройка’. Учитывая положение данного комплекса в значении слов – компонентов группы, определим их место внутри иерархически построенной группы и опишем таким образом семантическую организацию последней.

Гиперонимом-1 будем считать имена существительные, имеющие значение ‘дом со всеми хозяйственными постройками’ и выступающие в качестве абсолютных синонимов. К ним относятся такие слова, как:

Дворье: Дварьја-тъ у нас многъ (Кучкаево, Большеигнатовский район);

Курень: Курень сажгли, а бис курия-тъ как жыть, вот новый ставим таперь (Солдатское, Ардатовский район);

Поместье: Паместья-тъ у тибя, кум, хорошъя (Хлебино, Теньгушевский район);

Гиперонимами-2 в данной лексико-семантической группе будут понятия ‘жилые постройки и их части’ (диалектизмы, называющие избу и ее части) и ‘хозяйственные постройки и их части’ (диалектизмы, называющие амбар, баню, загон, кладовую, подпол, сарай, хлев). Таким образом, рассматриваемая лексико-семантическая организация слов в

русских говорах Мордовии состоит из двух крупных сегментов. Причем наибольшее семантическое разнообразие наблюдается при анализе гиперонимов третьей ступени, вокруг которых группируются слова со сходными значениями. Данные диалектные наименования отличаются от соответствующих средств литературного языка большей детализацией, связанной с материалом для изготовления, размером, предназначением построек.

Так, наименованию литературного языка *хлев* '1. помещение для скота (коров, телят, овец), а также для крупной домашней птицы' в русских говорах Мордовии соответствуют следующие диалектизмы:

Варушка 'хлев': Карова фсю зиму в варушки жыла (Синяково, Краснослободский район);

Катух 'хлев': Зинь, зьгани ф катух авец (Лаврентьево, Темниковский район);

Мост '5. Помещение для скота, хлев': Ноня в масту свету нету (Синяково, Краснослободский район);

Поветь '4. Крытый скотный двор, хлев': Сиводни ис павети хорь курицу унес (Тепловка, Кочкуровский район);

Подклетье '1. Помещение для скота, хлев': У няво пално пытклетыф для авец (Кулишейка, Рузаевский район);

Скотник 'помещение для скота, хлев': Кто эть скотник зьтурил, каму он памишал? (Челмодеевский Майдан, Инсарский район);

Скотница 'хлев': Игнять у нас ф скотницы (Тазино, Большеберезниковский район);

Стайка 'хлев': Ф стайки каровъ стаяль (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район).

С данными словами в родо-видовые отношения вступают диалектизмы, значения которых содержат конкретизаторы и соотносятся с гиперонимами-4. Дифференциальные семы в их лексической структуре конкретизируют:

1) качество постройки: *мшаник* '1. Теплый хлев для мелкого скота': Ва мшаники у нас адни офцы (Лаврентьево, Темниковский район); '2. Утепленное помещение для зимовки пчел': Мшаник был в лису (Студенец, Zubovo-Полянский район);

2) размер постройки: *закуток* 'хлев для мелкого скота': Зьгани звирей ф закуток (Говорово, Старошайговский район).

3) предназначение постройки: *овчарник* 'помещение для овец': Афцарники ф силе нашъм малыи (Ивановка, Ромодановский район); *омшенник* '2. Хлев для овец': *Наи амшэник полън авец* (Киржеманы, Большеигнатовский район); *подсочный* 'помещение для содержания телят': Ф падсочным у нас тияты живут (Суподеевка, Ардатовский район); *свинарь* 'свинарник': Летъм на свинаре работъли (Токмово, Ковылкинский район).

Среди других семантических связей, существующих между диалектными наименованиями построек и их частей в русских говорах Мордовии, необходимо отметить, во-первых, явления омонимии и полисемии, во-вторых, выделить следующие типы семантических оппозиций, в которые вступают компоненты анализируемой лексико-семантической группы:

1) нулевую оппозицию – между словами с тождественным значением, эквивалент синонимических отношений. Так, можно выделить синонимические ряды диалектных слов со следующими значениями, образующих друг с другом внутри них нулевые оппозиции:

- 1) «амбар»: *гувно, мишаник, одонье, омишенник, сельница, укаторник*;
- 2) «баня»: *отходная, отхожая*;
- 3) «веранда, терраса»: *галерка, приделок, приделушка, пристен*;
- 4) «ветхая изба, покрытая соломой»: *шалашик, шурушник*;
- 5) «дом со всеми хозяйственными постройками»: *дворье, поместье, построй, потомство*;
- 6) «загон»: *выгон, калда, калдас, кар*;
- 7) «закром»: *сусейка, сусек, сусека*;
- 8) «изба, жилье»: *домовье, дым, перт*;
- 9) «карниз»: *обтяжка, подшив*;
- 10) «крыльцо»: *мост, мостки; порог, порожек, сенка*;
- 11) «общественный хлебный амбар»: *гамазей, гамазея, мугазей*;
- 12) «перила»: *балясы, ручень*;
- 13) «погреб, подвал»: *голбец, мишаник, погребец, погребница, погребка, погребница, погребок, погребушка, склепище*;
- 14) «помещение для овец»: *¹овчарка, овчарник, омишенник*;
- 15) «прихожая»: *придел, собачник*;
- 16) «пятистенный дом»: *пятерик, флигер*;
- 17) «сарай для сушки снопов и молотьбы»: *грыженик, гувенник*;
- 18) «сарай для хранения соломы, сена»: *колосник, лачужка, нарыга, половень, половня, пыласник, пуня, ¹рыга, сельник, сельница, сенница, силки, сильница*;
- 19) «сени»: *всходы, горенка, горница, мост, подклет, подклеть, предызбица, притычка, ²сенник*;
- 20) «сруб дома»: *²вьюшка, стопа, струб, струбы*;
- 21) «хлев»: *варушка, катух, мост, поветь, подклетье, скотник, скотница, стайка*;
- 22) «чердак»: *балкон, вышка, горище, истовка, истопка, истропка, петовка, подловка, пожня, поибстка, поипостка, поимстка, поистолок, потолок, свес, сушник*;

23) «чулан»: *биндежка, подклеть, пристен.*

2) эквиолентную оппозицию – между словами, содержащими в своих значениях, помимо интегральных, еще и дифференциальные семы (например, имена существительные со значением «сарай для сушки снопов и молотьбы» – *грыженик, гувенник* – и имена существительные со значением «сарай для хранения соломы, сена» – *колосник, лачужка, нарыга, половень, половня, пыласник, пуня, ¹рыга, сельник, сельница, сенница, силки, сильница*);

3) привативную оппозицию – между элементами, различающимися объемом значений (например, компоненты синонимического ряда со значением «изба, жилье» – *домовье, дым, перт* – и компоненты синонимического ряда со значением «ветхая изба, покрытая соломой» – *шалашик, шурушник*);

4) партитивную оппозицию – между элементами, различающимися объемом обозначаемых ими понятий («часть» и «целое») (например, слова со значением «амбар» – *гувно, мишаник, одонье, омшенник, сельница, укаторник* – и «закром» (часть амбара) – *сусейка, сусек, сусека*).

Несмотря на действие в диалектном словообразовании общерусских словообразовательных тенденций, можно выделить следующие особенности диалектного словопроизводства, которые заключаются:

- в наборе словообразовательных аффиксов, некоторые из которых относятся к уже непродуктивным в литературном языке (например, суффикс -ма, префикс у-), то есть здесь можно говорить о большей стабильности и статичности словообразовательной системы;

- в их семантическом наполнении и стремлении к конкретизации значения слова. Это ведет к тому, что слова литературного языка с отвлеченной, большей частью общей семантикой преобразуются на диалектной почве в лексические единицы с более узким абстрактным значением;

- в их более свободной сочетаемости с кругом основ, которые могут быть и литературными, и собственно диалектными;

- в особенностях сочетаемости морфем;

- в наличии большего количества словообразовательных вариантов;

- в наличии специфических аффиксов (например, суффиксов -кой, -ож, -машкой и др.).

- в тесной связи процесса образования новых слов по функционально-лексическим и словообразовательным моделям, что обусловлено устной формой бытования говоров, которая способствует широкому использованию функционально вычленяемых словообразовательных структур в качестве моделей построения новых слов [1, с. 13–20].

Данные особенности диалектного словопроизводства характерны и для существительных со значением построек и их частей, функционирующих в русских говорах Мордовии. В словообразовательном отношении рассматриваемые в данной статье диалектизмы, называющие различные постройки и их части, можно разделить на два типа: производные и непроизводные. К непроизводным относятся диалектизмы типа *биндежка* «чулан», *гамазей* «общественный хлебный амбар», *голбец* «подполье», *кильек* «небольшая изба» и др. Производные диалектизмы образованы преимущественно лексико-семантическим (*бурундук* «крыльцо под навесом», *скотник* «помещение для скота, хлев», *стопа* «сруб дома», *шалашик* «ветхая изба, покрытая соломой» и др.) и морфологическим (суффиксальным, префиксальным, префиксально-суффиксальным, сложно-суффиксальным – *суш-ник*, *на-рыга*, *пред-ызб-ица*, *пят-и-стен-ник* и др.) способами. Примеров диалектизмов, образованных фонематическим (*гувно* (ср. литературное *гумно*), *струб* (ср. литературное *сруб*), *флигерь* (ср. литературное *флигель*) и др.) или морфолого-синтаксическим (субстантивацией) (*отходная*, *отхожая* «баня, куда приводили молодых после венчания», *подсочный* «помещение для содержания телят») способами, крайне мало.

Как видим, что касается структурных особенностей диалектных наименований построек и их частей в русских говорах Мордовии, то большая часть из них характеризуется «непрозрачной» словообразовательной структурой: на современном этапе изучения говоров установить производящую основу у многих из них не представляется возможным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новикова Е. И. К вопросу о региональном словообразовании // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. – Петрозаводск, 1976. – С. 13–20.
2. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х ч. – СПб.: Наука, 2013. – Ч. 1. С. 1–672. – Ч. 2. – С. 673–1560.
3. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: учеб. в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Академия, 2002. – 544 с.
4. Шеин А. И. К проблеме гипонимических преобразований при переводе // Филологические науки. – 2008. – № 2. – С. 17–22.

ЧЕГОДАЕВА Т. С.

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭМ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМ «ВОЗВРАТИТЕСЬ В ЦВЕТЫ», «RU»)**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению художественных особенностей жанра поэмы в творчестве А. Вознесенского рубежа XX-XXI вв. В ходе анализа делается вывод о синтезе традиций авангардной и классической поэзии в творчестве современного автора.

Ключевые слова: современная поэзия, А. А. Вознесенский, поэтика постмодернизма, поэма, жанрово-стилевое своеобразие, ирония, метафора.

CHEGODAEVA T. S.

**ARTISTIC INDIVIDUALITY OF A. A. VOSNEENSKY'S POEMS:
A STUDY OF THE POEMS «RETURN TO FLOWERS», «RU»**

Abstract. The article presents a study of the features of the genre of poem in the poetic works of A. Voznesensky at the turn of the 20th – 21st centuries. In the course of the analysis, a conclusion is made about the synthesis of the traditions of avant-garde and classical poetry in the work of a modern author.

Keywords: modern poetry, A. A. Voznesensky, poetics of postmodernism, poem, genre and style individuality, irony, metaphor.

Особенная пестрота и многогранность присутствуют в современной отечественной поэзии, что создает определенные трудности в ее научном осмыслении. Литературный процесс вобрал в себя всю смену эстетических, идеологических, нравственных парадигм эпохи. Динамические тенденции, наблюдаемые на рубеже XIX-XX веков, когда значимые фигуры классического реализма освобождали позиции под натиском авангарда, модернистских исканий Серебряного века, отчетливо проецируются на современную литературную ситуацию. Складывающееся поэтическое пространство рубежа веков во многом ориентируется на опыт и стратегии предшествующего столетия. Так, в современном литературоведении наиболее обсуждаемым становится вопрос, раскрывающий эволюцию жанра, пути его трансформации. Современная поэзия, включающая в себя модернистские и постмодернистские тенденции, характеризуется появлением новых форм выражения.

Особое место отводится жанровым предпочтениям, наблюдаемым в современном поэтическом процессе. Характер поэтических откровений дает возможность современным поэтам обратиться к крупной поэтической форме, вызывающей особый интерес – поэме. Именно в ней находит отражение процесс формирования новых жанровых стратегий, приводящий к появлению разнообразных модификаций поэмы.

Стремление выявить весь комплекс специфических черт этого жанра, его место в широком литературном движении 50-60-х годов диктует необходимость обращения к истории осмысления, по меньшей мере, поэмы нашего столетия, огромный эстетический потенциал которой содержит в себе основу для верного определения сути, характера изменений, произошедших в новейшей поэме. XX век принес в литературу значительнейшие изменения, отразившиеся, естественно, и на жанровом уровне.

Жанр поэмы на протяжении более полувека вызывает научные дискуссии. Поэма как особый жанр приобретает в современной отечественной поэзии все большую популярность, так как в ней наиболее зримо отражаются все социальные, культурно-эстетические события эпохи. Концепция жанра русской поэмы 50 – 80-х годов XX века представлена в монографии В. А. Редькина. Он отмечает: «жанр конкретной поэмы лежит на пересечении ряда координат в плоскости как идейно-художественного содержания, так и содержательной формы. Важны соотношения эпического и лирического начал в произведении, определение идейно-тематической направленности, типа мировосприятия художника <...>, вид пафоса, традиции, в рамках которой лежит поэма» [8, с. 26].

Остросовременная, новаторская, во многом экспериментальная поэзия, воплощающая в себе своеобразный синтез лирики и философского начала, нашла отражение в позднем творчестве А. Вознесенского. Его идиостиль в полной мере соответствует определению «эстрадной» поэзии, которая была рассчитана не на чтение, а на диалог, обращена не к читателю, а слушателю и зрителю. Зрительная метафора, сквозная рифмовка, эмоциональный подъем слиты воедино, одно без другого звучало бы диссонансом. В настоящее время его творчество по праву считается символом свободомыслия и остается одним из самых ярких среди авангардного искусства.

Принципиально значимым для поэзии А. Вознесенского становятся постмодернистские черты, которые находят воплощение в его позднем творчестве. В русле традиций постмодернизма написана поэма А. Вознесенского «Возвратись в цветы» (2004). По утверждению самого автора, выход книги приравнивался к Нобелевской премии. Отчасти это произошло потому, что она получила всемирную известность. Несмотря на то, что она была создана в России, напечатать ее смогли в Китае.

Безусловно, поэму А. Вознесенского можно назвать развернутой метафорой, поскольку в ней автор отождествляет себя и своих современников с цветами. Здесь появляются яркие символические образы (лилия, тюльпан, ирис и т.д.), сопровождающиеся иллюстрациями, которые предлагает автор. Именно эти образы придают поэме идейно-эмоциональную нагрузку. Имя главного героя поэмы (Ириса) обыгрывается благодаря авторским зарисовкам и неологизмам, которые дополняют повествование:

Я рисую ирисы. Стил ь папируса.

Декаданс. Озирис. Фаэтон.

На стене от сырости

пятна в виде ирисов,

штукатурка лопа ется, как бутон... [1]

Следует отметить, что поэма А. Вознесенского, помимо того, что включает в себя яркие образы и отсылки к жизни и творчеству современников, отличается сквозным сюжетом, хором, разбавляющим авторский монолог. Также поэма содержит рефрены, посвящения и отступления («авторский отступ», как отмечает сам поэт), эпилог. Время от времени в поэме прослеживаются открытия, сделанные автором. Они, прежде всего, связаны с игрой слов: «Есть сила ботаническая. Власть. / Есть силлабо-тоническая страсть, / пронзающая потроха. / Есть тайная ботаника стиха». [1]

Внимание читателей привлекают отдельные фрагменты поэмы, в которых наблюдается смешение жанров: здесь и коллаж, и анаграмма, и молитва. Интересно, что все эти жанры в поэме, так или иначе, являются разновидностью карикатуры. Отсюда возникает вопрос: на что опирается автор в поэме – на классическую традицию или футуризм? Однако сам автор отвечает в поэме: «Я – консервативный анархист». [1]

Заключительная часть поэмы представлена воображаемым диалогом между автором и учителем. И вот здесь А. Вознесенский вспоминает своего друга, учителя – Б. Пастернака:

Я счастлив торжеству Вашему,

Андрюша.

Я рад, что до него дожил» [1].

«Я счастлив торжеству вашему,

Борис Леонидович.

Я рад, что до него дожил [1].

Более того, эпилог поэмы отсылает нас к ранее написанному сборнику стихов А. Вознесенского – «Мозаика»: «Дали девочке искру. / Не ириску, а искру, / искру поиска, искру риска, / искру дерзости олимпийской!» [3].

Мы с уверенно можем сказать, что А. Вознесенский выступает новатором и в формальном и содержательном планах: поэма погружает читателя в мир метафор и сравнений. Ассоциативно-метафорическая основа поэмы приводит к поэтическим экспериментам в проблемно-тематическом и композиционном отношениях.

А. Вознесенский является одним из немногих поэтов, способных мгновенно реагировать на все новые веяния, проникающие в Россию из Европы. Общеизвестно, что поэмы А. Вознесенского отличаются, прежде всего, экспериментальным характером, поиском

словесных средств выразительности. Примечательно, что поэт ищет новые формы как в синтаксисе, метафорическом рисунке, так и в визуальном плане. Особенную репрезентацию в его поэмном творчестве получает тема распада духовно-нравственных ценностей, которая воплощается в его поздних поэмах – «Девочка с пирсингом», «RU», «Берегите заик». В перечисленных поэмах А. Вознесенский, прежде всего, обращает внимание на то, как влияет прогресс на духовный мир человека. В новом тысячелетии интерес к поэзии угасает. По мнению А. Вознесенского, поэзия уходит в Интернет. Там она живет в чистом виде, и к ней проявляют огромный интерес, который даже не сравнить с шестидесятыми годами, когда поэзия жила на стадионах. Поэт говорит: «Я хочу опозитизировать Интернет, как в свое время футуристы опозитизировали плакаты и витрины» [2]. Наиболее ярким примером здесь может выступить поэма «RU», вышедшая на рубеже нового тысячелетия (2000). Однако поэт не столько опозитизировал Интернет, сколько вскрыл актуальную сегодня проблему интернет-зависимости. Автора, прежде всего, интересует влияние прогресса на духовный мир человека. Поскольку активное использование интернета не просто открыло для современного человека новые знания и возможности, но и фактически разрушило язык, заменив собой человеческое общение. В поэме «RU» А. Вознесенский осмысливает положительные и отрицательные стороны современной цивилизации.

По традиции следует, что классическое строение поэмы – это посвящение, пролог, главы и эпилог. А. Вознесенский намеренно ломает эти рамки. Оставляя традиционные посвящения и эпилог, он вводит в поэму нестандартные композиционные фрагменты: 10 чатов и раздел off – фрагменты, названные компьютерными терминами [6, с. 145]. Используя необычную композицию, А. Вознесенский тем самым выстраивает модель Рунета (русскоязычной части всемирной сети Интернет). В поэме, действительно, автор выстраивает модель информационной сети со всеми ее недостатками и ошибками, которые нарочито актуализированы посредством гиперболизации и поэтической иронии.

Как и в большинстве своих поэм, автор раскрывает в данном произведении многомерный образ современной России. Об этом свидетельствует название поэмы: «RU» – национальный домен верхнего уровня для России. Уже в первом посвящении поэт обозначает вектор характера поэтических размышлений:

*Я вышел в сайт. Он резонанс собора
напоминал. Он полосат. Плыву.
Я вышел в сайт. За зубьями забора
Благоухали вирусы «love you» [4].*

Обращает на себя внимание строка «я вышел в сайт». Она может являться как реминисценцией на поэзию А. Блока («Я вышел в ночь»), так и Б. Ахмадулиной («Я вышла в

сад»). Это указывает на то, что лирический герой относится к Рунету, как к игре, которая «затягивает» человека:

*Ты – свобода моей неволи.
Это Ты в брусничном бору,
натерев позвонки канифолью,
посвящала меня в игру [4].*

Рунет – это всемирная паутина, и, попав в эту паутину, человек уже полностью погружается в мир иной реальности. А. Вознесенский обличает эту «погруженность», отрешенность человека от реального мира.

Однако поэтический образ Интернета в произведении А. Вознесенского амбивалентен. Поэт видит и другую сторону в происходящем. Как известно, поэма «RU» – первая поэма, премьерная публикация которой происходила в Сети (впервые читатель познакомился с ней в Интернете). В. Губайловский справедливо отмечает, что «автор создает увлекательный, виртуальный мир, с большими возможностями. А. Вознесенский параллельно всей пагубности Интернета, говорит и о плюсах социальных сетей. Основное в Сети – это, конечно, поиск информации и ее мгновенное объединение» [5]. Этот поиск становится все более и более похожим на процесс человеческого мышления.

Особое внимание следует уделить непосредственно понятию «RU». Прямое толкование уже известно, но А. Вознесенский вкладывает больший смысл в эти две буквы. В этом вопросе обращает на себя внимание интерпретация образа «RU», предложенная М. Макаровой. Она говорит о том, что «RU» - «женщина и система» [7]:

*...дышишь тяжело, будто Фру-Фру?
В твоей кардиограмме, хакерша -
www.господи! Ru [4].*

Нельзя не отметить, что вся поэма пронизана смысловыми кодами «RU». Такая явная аллитерация максимально усиливает впечатление в эмоциональном плане, и привлекает взгляд при чтении. Это любимый прием писателя. Ru – женщина и система, позволяющая общаться с неизвестными тебе людьми:

*Я, женщина, неизменна
в изменяющихся веках.
Государственные измены -
мой кайф [4].*

Наделяя свою «RU» женской сущностью, автор показывает всю драму интернетовской зависимости как боль женской души. Автор через душевные переживания женщины раскрывает и свое отношение к этому «интернетному» хаосу:

Попорчу я новым боярам игру.

Я с Пушкиным ринулась к "Яру"!..

Я ru [4].

Демонстративное «Я – ru» оставляет для выбора два пути: один затягивает как паутина, навсегда, второй путь более оптимистичен: наш мир идет лишь вперед. Гениальный талант А. Вознесенского позволяет ему в одной строке, и принизить и, одновременно, восхититься «RU». Поэт достигает поставленной цели: он показал обе стороны такого явления как Интернет.

Таким образом, поэмы А. Вознесенского, написанные на рубеже XX-XXI веков, в очередной раз подчеркивают стремление автора соединить классические и авангардные традиции. В своих работах поэт использует черты постмодернизма (коллаж, игра слов, звуков, визуализация), выстраивает необычный мир, где выступает в качестве «игрослова». А «сетевой язык», отражающий игровой характер виртуального мира, порой подчеркивает особую значимость реального мира, о котором стал забывать человек. В «поздних» поэмах поэт представляет вниманию читателей размышления о настоящем и будущем России, в которых отражаются эксперименты авангардного искусства. А. Вознесенскому удастся раскрыть новые смысловые горизонты, сформировать свой поэтический стиль. Для его творчества характерно сочетание масштабных картин с тонкостью лирического чувства, ярко выраженная экспрессия, смешение разных лексико-стилистических пластов, экзистенциальных миров. А. Вознесенский и сегодня является своеобразным поэтическим символом времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вознесенский А. А. Возвратитесь в цветы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voznolog.ru/vozvratites.htm> (дата обращения 14.02.2022).
2. Вознесенский А. А. Девочка с пирсингом / Вознесенский А. А. СтиХХI. «СтиХХI». – М.: «Время», 2006. – 232 с.
3. Вознесенский А. А. Мозаика. Стихотворения и поэмы. – Владимир: Владимирское книжное изд-во, 1960. – 78 с.
4. Вознесенский А. А. Поэма «Ru» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voznolog.ru/ru.htm> (дата обращения 14.02.2022).
5. Губайловский В. Андрей Вознесенский в Интернете. Поэт опубликовал свою новую поэму "ru" 2000-12-06 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voznolog.ru/crgubailovskij.htm> (дата обращения 14.02.2022).

6. Гудкова С. П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм). – Саранск: Изд-во Моров. ун-та, 2010. – 300 с.
7. Макарова М. Поэма А. Вознесенского «tu» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voznosolog.ru/poemaru.htm> (дата обращения 14.02.2022).
8. Редькин В. А. Русская поэма 1950-1980-х годов: Жанр, Поэтика. Традиции. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – 255 с.

ГРОМКОВА А. Г., ЕРШОВА Н. И.

ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье охарактеризована специфика интернет-дискурса как особого вида письменного по форме виртуального общения, рассмотрены основные способы создания виртуального текста. Особое внимание уделяется описанию лингвистических особенностей: разговорных элементов, нарушений орфографических и пунктуационных правил, морфологических искажений слов в частной и деловой переписке, а также в общении на форумах, социальных сетях, чатах.

Ключевые слова: виртуальное общение, Интернет, дискурс, разговорный стиль, орфография, пунктуация.

GROMKOVA A. G., ERSHOVA N. I.

LANGUAGE FEATURES OF INTERNET COMMUNICATION

Abstract. The article describes the specifics of Internet discourse as a special type of written in the form of virtual communication. The styles of writing a virtual text are considered. Particular attention is paid to the description of linguistic features: conversational elements, violations of spelling and punctuation rules, morphological distortions of words in private and business correspondence as well as in communication on forums, social networks, chats.

Keywords: virtual communication, Internet, discourse, conversational style, spelling, punctuation.

Возникновение Интернета в конце 1960-х годов как еще одного коммуникативного канала передачи данных, а затем как средства массовой коммуникации в XXI веке привело к появлению не только глобальной информационной среды, но и особых виртуальных миров, сетевых сообществ и блогов, сетевой культуры и сетевого языка, обслуживающих этот, появившийся не столь давно, сегмент социальной реальности. Языковое своеобразие Интернет-дискурса, оказывающего непосредственное влияние на изменение речевых стандартов, а также формирование особой «виртуальной» языковой личности, представляет несомненный интерес для современных лингвистов.

Возможность активного прямого (онлайн) общения создает имитацию «контактной» коммуникации, что приводит к широкому проникновению стихии разговорной речи в письменное по форме виртуальное общение, независимо от выбранного коммуникантами жанра речи. Особенно яркое использование разговорных элементов можно наблюдать в частной и деловой переписке, а также в общении на форумах, в так называемых «социальных сетях», чатах. В качестве наиболее ярких и распространенных проявлений «разговорности» в

Интернет-дискурсе выступают слова, написание которых копирует / пародирует их произношение, обилие эмотивов (звукоподражаний, междометий, а также эмотивов-неологизмов, как общеизвестных, так и окказиональных), заимствований, главным образом относящихся к сфере речевого этикета, отражение особенностей произношения представителей той или иной народности («акцент»), намеренные орфографические «неправильности», сниженный стиль, некорректность, даже грубость.

К другим формальным признакам виртуального текста относятся: 1) нарушение правил орфографии (приближение графической формы слова к звуковой, имитирующей устную речь; намеренная трансформация слова посредством субституции или метатезы); 2) эллипсированные и инверсированные конструкции с немотивированной перестановкой частей предложения, имитирующие устную речь; 3) нарушение правил пунктуации, которые здесь носят семантический характер и имеют эмоциональную нагрузку; 4) обилие лексических и графических сокращений (общепринятых, цифровых, символических («т. е.», «т. н.», «и т. д.», «min», «100%-тно»), способствующих экономии языковых средств и ритмизирующих диалог (полилог); 5) введение метатекстовых элементов, поясняющих смысл основного сообщения (своеобразных «ремарок» и т. п.).

Орфография представляет собой систему правил, определяющих единообразную передачу речи (слов, их форм и значимых частей) на письме. С первого взгляда становится понятным, что такая система правил не соблюдается при полилоговой коммуникации online. Одной из таких девиаций является положение, при котором написание слов и их форм подчиняется иконическому принципу – «чем больше места в текущем сознании отправителя занимает данная информация, тем больше зрительного пространства получателя занимает языковая форма, передающая эту информацию» [1, с. 36] – иными словами, «пишется, как слышится». Графическая форма некоторых слов приближена к звуковой и похожа на транскрипцию с добавлением комических эффектов, например: «всю жизнь мечтала побывать в мужской шкуре, *мона?*»; «*эт-хрошо*»; «а *ниччѐ*, мило», «ну, *чѐ?*», «или оставь *коррррротенький* ежик»; «*лана* усем пока»; «я тебя *щас* кикну»; «*Змейа-а-а---э-эээ!!!!!!!!!!!!!!*»; «*НЕ СПАААААААТЬ!*»; «*Yeeeeeeeeaaaah!!!!*».

Рассмотренные отклонения от орфографической нормы могут носить ситуативный характер, не быть узусными, как, например, «феньк ю вери мач!», «нажала-а-а-а-а» или «штоля-а», так и традиционными, общепринятыми (в чатах). К последним можно отнести «чѐ», «щас», «чего-нить», «здрасте», «ваще», «эт» вместо «это» в общении на русском языке и «и» как «you», «иг» вместо «youг», «г» как «are» в общении на английском. «Конечно, это никоим образом не свидетельствует о сложении некоей сетевой нормы, подобное написание не носит тотальный характер, и привычное написание словоформ можно встретить наряду с

перечисленными вариантами, – пишет по этому поводу О. А. Донскова. – Это же явление встречается и в других формах интернетного общения, например, на форумах и в гостевых книгах: «С Ув.....Николай», их употребление диктуется принципом удобства, то есть экономии усилий отправителя и получателя. Учитывая то обстоятельство, что «новая» орфография отражает варианты произношения – правила чтения некоторых буквосочетаний, редукция гласных в речи, синкопа – чтение не должно вызывать трудностей у получателя» [1, с. 36].

Обратимся к изменению норм синтаксиса и пунктуации в Интернет-общении. Согласно нашим наблюдениям, для структуры предложений как в чатах, так и в гостевых книгах характерны, прежде всего, эллипсис и перестановка частей высказывания. Это признак, свойственный устному общению. Можно встретить, например, такие фразы: «Если Вы кого-то «поставите» других – будет не честно»; «пригласите «Козла на саксе», г-на Козлова т.е.»; «а джем Крематория с сыном Майка – это ж надо... (смотрела не сначала, так и не поняла – это был экспромт или как?)».

Как известно, пунктуационные правила лишь частично отражают смысловые оттенки, вносимые отправителем сообщения в текст, а в большинстве случаев являются кодифицированными формальными правилами. Неформальная коммуникация в системе Интернет возвращает пунктуации ее семантический характер: запятые и многоточия передают, в первую очередь, темп речи; тире выделяют значимую информацию, находящуюся в фокусе внимания читающего / слушающего и обычно противопоставляемую предтексту; в скобки помещается то, что является второстепенным, неважным, дополнительным, а также то, что относится к метатексту. Так, например, не всегда сохраняются запятые при обращении (тем более что в некоторых чатах обращения не нужно набирать). Могут опускаться запятые при придаточных предложениях, однородных членах предложения, даже тире: «Ну вы же все сами знаете знаете что вы лучше всех»; или при сравнениях: «Я бы сказала, что крен у нас скорее скрытый чем явный».

Запятая может ставиться, например, перед вводным словом, но не ставиться после него: «Иногда, понимаешь ли нужно подразгрузиться». Кроме того, вводятся знаки, не стандартные для пунктуации, которые могут использоваться также для замены слов: «Утверждаю это не только как зритель, но и как журналист/сценарист».

Как отмечает О. А. Донскова, иногда заимствованное слово «чат» заменяется русским переводом – «болталка» или «треп». Использование этих слов для обозначения общения в Интернет указывает на восприятие такого общения как разговора, а, скажем, не переписки. При этом нельзя говорить о том, что полностью нивелируются невербальные и паравербальные признаки.

Одним из таких механизмов компенсации, согласно точке зрения исследователя, является своеобразная пунктуация, которая используется для передачи интонации. Ей не только придается семантический характер, но она до некоторой степени переосмысливается.

Так, запятая и многоточие передают темп речи, например: «Ну да, но... Не знаю... Ну конечно...»; «Кафка хорош... Лени хороша... Достоевский так вообще удивителен...»; «я бы до этого не додумал... так бы и бросил на полумысли... да...»; «а мы всяк... но бывало лучше».

При этом количество точек часто означает величину паузы: «Ага....».

Особое семантическое наполнение имеет и тире. Тире употребляется для выделения значимой информации, противопоставления ее предшествующему тексту, помещения ее в фокус внимания читателя-слушателя: «Он говорил, что пойдет с нами. – А мне тогда чего? Не идти?».

Эмоциональная нагрузка текста, проявляющаяся при устном общении, в том числе в интонации, при общении виртуальном передается знаками препинания. При чем количество знаков препинания по иконическому принципу соответствует силе эмоций. Например: «не понял кто чекист? Я????»; «ребята кто откуда???»; «привет!!!!!!!!!!»; «я его тоже читал, а еще что у нее есть???»; «кто смотрит Футбол по НТВ!?!?!?! Там такое...»; «а давайте поговорим о достопримечательностях наших городов!?!?». Или пример с форума: «Неужели вас не тошнит от этой жадности и ограниченности?».

В некоторых случаях, впрочем, заглавными буквами может выделяться значимая для отправителя информация: «Вы проявили ХАМСТВО и вылили его на многочисленную аудиторию». «Такие механизмы компенсации характерны для замещения паравербальных факторов, – отмечает О. А. Донскова. – Зрительная информация может замещаться как вставкой символов, так и при помощи метатекста. Под символами имеются ввиду картинки («улыбки», «сердечки») которые можно вставлять в сообщение в некоторых чатах, а также традиционные сочетания графических знаков, используемые для выражения невербальных факторов» [1, с. 38]. Самыми распространенными из них являются «улыбки», обычно обозначаемые «:)» или «:-)» (при этом возможны многочисленные варианты) и «кривые улыбки», говорящие об отрицательных эмоциях «: («. При этом количество скобок соответствует силе переживаний, например: «Ой.....классно))))))» или «НАТА привет!!!!!!!!!!:))))))))))))))))))».

В настоящее время, согласно наблюдениям О. А. Донсковой, существуют целые списки таких «смайликов», отражающие разнообразные оттенки переживаний [1, с. 38].

Сочетание орфографических нарушений с лексическими и фразеологическими приметами, а также морфологическими искажениями русских слов создало особый сетевой

диалект. «Массовое использование этого диалекта на той или иной странице Интернета сигнализирует о том, что вы попали в зону, свободную не только от языковых правил, но и от правил цивилизованного поведения, от культурных и нравственных устоев общества, – полагает М. Ю. Сидорова. – Спорадическое употребление элементов этого диалекта возможно в Сети и за ее пределами – с пародийной, оценочной, иронической целью у говорящих с достаточно высоким уровнем языковой сознательности; для выражения приобщенности к миру сетевой коммуникации – у говорящих с самой разной языковой способностью» [3, с. 37].

Еще одним из ярчайших формальных признаков виртуального общения можно считать так называемые «Ники» – самоназвания участников электронного (а в последнее время не только электронного) общения. Вот, например, сообщение о церемонии награждения победителей Национальной литературной сети в ЦДЛ: «Униформа [собравшихся] – свитерджинсы с грудной карточкой (индивидуальный интернет-ник, псевдоним для опознания в реале, оффлайне). Радостное узнавание спорадически длилось на всех стадиях собрания: КорнетКа, ПартизанКа); Упавшая С Луны, обнимающая Астрального Духа (что за гармония, прелесть); а также суровые Хронос, Ц. Горох, Андрей Тертый, Дж. Сильвер латиницей, девицы и матроны Рось, Аурино, Фата-Моргана, Олик...» [2, с. 29].

Указанные лингвистические особенности виртуального общения позволяют, с одной стороны, создать иллюзию «живого» диалога или полилога; с другой стороны, способствуют творческому самовыражению участников дискурса. Его самостоятельность подчеркивается отсутствием закреплённости за определенной сферой общения и определенной стилистической маркированности функционирующих в виртуальном общении языковых средств, а также способностью выполнять практически все языковые функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донскова О. А. Тенденции становления паравербальной графемики в системе Интернет // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 36–39.
2. Попова Т. Н. Особенности речевого наполнения в интернет-общении // Русская речь. – 2002. – № 1. – С. 26–29.
3. Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – 194 с.

ЛЕВКИНА О. С.

ОБРАЗ ТВОРЦА В РАССКАЗЕ В. М. ГАРШИНА «ХУДОЖНИКИ»

Аннотация. В статье рассматривается специфика репрезентации образа творца в рассказе В. М. Гаршина «Художники». В ходе анализа делается вывод о тесной связи героя и самого автора, который отдает всего себя искусству, для которого работа мастера становится смыслом и делом всей его жизни.

Ключевые слова: рассказ «Художники», В. М. Гаршин образ творца, художественное своеобразие, мотив, тема творчества.

LEVKINA O. S.

THE IMAGE OF THE CREATOR

IN THE SHORT STORY "ARTISTS" BY V. M. GARSHIN

Abstract. The article deals with the specifics of the representation of the image of the creator in the story "Artists" by V. M. Garshin. In the course of the analysis, a conclusion is made about the close connection between the hero and the author himself, who devotes himself to art, for whom the work of the master becomes the meaning and work of his whole life.

Keywords: story "Artists", V. M. Garshin, image of creator, artistic originality, motive, theme of creativity.

На фоне многих известных писателей второй половины XIX в. фигура В.М. Гаршина оказалась незаслуженно забытой и исследователями, и читателями. Однако новеллы этого автора имеют большое значение для становления малых эпических жанров в России, а его военная проза дает качественно иную трактовку событий, нежели та, что была привычной русским писателям. Один из исследователей, В. И. Порудоминский, озаглавил свою историю о В. М. Гаршине как «Грустный солдат», выражая этим сразу множество аспектов его натуры.

Обращение к биографии этого новеллиста становится особенно значимым в аспекте изучения его прозаического наследия. В большинстве своем произведения писателя глубоко биографичны, отражают реально пережитый опыт – это и «Четыре дня», сделавшие В. М. Гаршина известным (в них он вкладывает всю свою рефлексию войны с Османской империей, в которой принимал участие); это и «Красный цветок», не менее известное произведение, в котором отразился весь ужас пребывания самого писателя в психиатрической больнице.

Родился В. М. Гаршин 2 февраля 1855 г., умер 24 марта 1888 г., погребен на Волковом кладбище в Петербурге. Род Гаршиных – старинный дворянский род, происходящий, по преданию, от мурзы Горшы или Гаршы, выходца из Золотой Орды при Иване III. Отец его,

Михаил Егорович, по большей части и сформировал характер сына, был человеком добрым, мягкосердечным, чувствительным. Служа в Глуховском полку, в Николаевское время, он никогда не бил солдат, тот максимум, что замечали за ним солдаты – ударить провинившегося фуражкой. Уже ребенком Гаршин был крайне впечатлительным, даже невротичным ребенком, чему стало причиной, в том числе, и слишком быстрое развитие, отразившееся на эмоциональности. В литературу В. М. Гаршин пришел, когда ему было двадцать два года, с рассказом «Четыре дня», который положил начало отражению его личности во всех последующих работах. Отметим, что данный рассказ сразу же принес молодому человеку популярность. Однако, как следует из писем самого Всеволода Михайловича, писательская работа не была для него легким делом: «Хорошо или нехорошо выходило написанное, это вопрос посторонний: но что я писал в самом деле одними своими несчастными нервами и что каждая буква стоила мне капли крови, то это, право, не будет преувеличением» [4].

Особое место в художественном наследии автора занимает рассказ «Художники». В основе его сюжета лежит картина «Кочегар», которая написана Николаем Александровичем Ярошенко, художником-«передвижником». Его полотно отражает тот период истории после отмены крепостного права, когда начал активно увеличиваться рабочий класс. Кочегар – фигура нового времени, основа будущего пролетариата, однако, в то же время, выглядит он богатырем Васнецова. По справедливому замечанию А. Прахова: «Я давно уже не видел произведение, которое бы вдохновляло меня так глубоко. В „Кочегаре” мы встречаем тип, резюмирующий целую область труда, один из блестящих исторических портретов нашей эпохи» [3]. Этот портрет эпохи, выполненный в коричневых и красных тонах, и впечатлил В. М. Гаршина на написание «Художников». Полотно Ярошенко создается в 1878 г., в этот же год его покупает известный коллекционер Третьяков, выставляя в галерее, а уже в 1879 г. в журнале «Отечественные записки» появляется рассказ.

В. Г. Короленко, будучи знаком с писателем и художником, говорит: «Известна история этого замысла. Гаршин был дружен с покойным художником-передвижником Ярошенко... На Гаршина картина произвела сильное впечатление. Его чуткое воображение, пройдя через разные ассоциации образов, остановилось на „Глухаре”» [2, с. 226]. Из другого источника известно, что Гаршин даже просил у автора «Кочегара» написать картину по своему рассказу, настолько впечатлило его это искусство: «Гаршин как-то попросил Ярошенко: „Теперь напишите Глухаря. Согнутого в три погибели, подставляющего грудь под удары”. Ярошенко отказался деликатно. Он не хочет писать согнутого. Его кочегар прям и монументален. У кочегара раздавленная тяжелой работой грудь, голова, вбитая в плечи. А попробуй согни его! Он тревожил, приковывал к себе, хватал зрителя за грудки мощными жилистыми руками. Но существовал и Глухарь. Он корчился в котле, умирал под ударами» [3,

с. 166]. Таким образом, «Художники» – слепок эпохи, произведение реализма, которое можно даже назвать «биографией эпохи». Этот вывод нами сделан для того, чтобы показать, как будет реалистичен образ творца, воплощаемый в рассказе. Первый выделен выше, это сама эпоха, которая создается автором с сохранением всех имен, с обращением к реальным образам и полотнам. Второй – вытекает из приведенной краткой биографической справки: образ творца у Всеволода Михайловича есть образ его самого, представленного в «срезе» изобразительного искусства.

Сюжет рассказа нелинеен, он представляет собой чередующиеся дневниковые воспоминания, почти исповедь, двух художников, которые представляют собой две разные «школы» изобразительного искусства. Дедов, некогда инженер, который по его собственным словам получил «наследство, дающее мне возможность бросить службу?» [1, с. 78]. Теперь он посвящает свою жизнь учебе в Академии художеств, «искусству для искусства» – модному тогда направлению, характеризующемуся «изящными вещами», в котором ищется красота, гармония, изящное. Другое дело – Рябинин, так же студент, но воплощающий искусство «передвижников», такая «мужичья полоса» [1, с. 78], упомянутые самим Гаршиным «Бурлаки» Репина. Их противопоставляет ни положение, ни возраст, ни любой из других социальных признаков, но прежде всего их творчество, и отношение к нему. Про Рябинина Дедов пишет так: «Удивительными мне кажутся эти люди, не могущие найти полного удовлетворения в искусстве», о себе же он говорит «ты пишешь картину – ты художник, творец; написана она – ты торгаш» [1, с. 85].

Завязка рассказа происходит тогда, когда Рябинин, после прогулки по порту, просит Дедова провести его на завод, посмотреть на «глухарей» – рабочих, которые часто глохнут от своей работы, когда нужно им клещами держать изнутри котла заклепки, которые вбивают, чтобы прочно скрепить швы и детали. Эта история прочно отражается в разуме художника, а когда он видит настоящую работу этих людей, то и вовсе лишается спокойствия. Все его дни наполнены новой картиной, отражающей увиденный им ужас, а когда работа закончена, то Рябинин и вовсе заболевает. А когда горячка отпускает его изнеможенное тело, то творец и вовсе оставляет академию, уезжая в деревню, чтобы там учительствовать: «Да он пропадет, погибнет в деревне» [1, с. 100].

Творцом в этой истории, в полном смысле этого слова, можно назвать лишь Рябинина. Дедов же художник впечатления сиюминутного, яркого, но похожего на бабочку. Она прекрасна, но с наступлением осени умирает, никому не даруя вечность. Его полотна – это небольшие пейзажи умиротворенной сельской жизни, розы и пруды с кувшинками. Безусловно, имеющие художественную, эстетическую ценность, но они не несут в себе никакого смысла, кроме смысла самого искусства: дарить эстетическое удовлетворение

зрителю и самому художнику. Такие полотна так же несут и материальную ценность материальную. Продаются подобные картины намного лучше многих.

Восприятие творцом собственного творчества у В. М. Гаршина так же автобиографично. Если обратиться к выдержке из письма автора: «Бог с ней, с литературой, если она доводит до того, что хуже смерти, гораздо хуже, поверь мне» [4] и к словам Рябинина «Уже две недели, как я перестал ходить в академию: сижу дома и пишу. Работа совершенно измучила меня» [1, с. 89] – данный факт становится очевидным. Образ творца для В. М. Гаршина неразрывно связан с мучительными переживаниями автора, который испытывает страшные терзания, создавая свое произведение. Работа забирает у Рябинина и душевные, и физические силы, с каждым мазком истощая его. «И еще мне кажется, что это – моя последняя картина» [1, с. 89]», – замечает герой. Однако, он не может оставить это полотно, уходит с головой в создание фигуры «глухаря». Боль, которая вибрацией отдается в рабочего с каждым ударом, отдается и в Рябине, он – транслятор. В этой трансляции во многом и заключается гаршинский творец, который ведом отнюдь не здравым смыслом о своей работе. «Это – не написанная картина, это – созревшая болезнь» [1, с. 90]. Эту болезнь художника можно сформировать по-разному. Во-первых, это безумство творца, создателя. Это болезнь, которая зреет в любом истинном художнике, композиторе, писателе, она подталкивает его к той единственной работе, в которой можно будет выплеснуть и разум, и безумство, создавая шедевр, который обязательно затронет зрителя и слушателя. Во-вторых, это гнойная рана, которая присуща многим персонажам В. М. Гаршина. Она зреет в человеке, и в конечном итоге разрывается, итог может быть плачевен. Такой «гнойной раной» становится и Рябинин, и неназванный персонаж недописанного рассказа «Незнакомец», который взрывает родной дом, и герой «Красного Цветка», который свою рану «прижигает» маком.

Творец по В. М. Гаршину просто не может не писать то, что ему предназначено, даже если он знает, что за этим последует. «Кто позвал тебя? Я, я сам создал тебя здесь» [1, с. 92]. Рябинину больно даже смотреть на готовую картину, которая, как ему кажется, просвечивает даже сквозь ткань, которой он накрыл мольберт. Как до того он был лишен сна из-за образа будущей картины, которая не оставляла его, так теперь художник лишен сна из-за багрово-красного лица глухаря на картине.

Беспокойный, не находящий покоя в искусстве (чем ранее так удивлялся Дедов), таким должен быть художник, чья цель не ограничивается «Кувшинками» и «Майским утром». «Ударь их в сердце, лиши их сна, стань перед глазами призраком! Убей их спокойствие, как ты был мое...» [1, с. 92]. Искусство В. М. Гаршина призвано призраком следовательно за человеком, о чем он пишет достаточно прямо. Оно призвано выжечь след на сердце человека,

лишить его покоя, заставить думать, вытесняя все прочие мысли. Однако, если это искусство на зрителе просто выжигает след, то Рябинин сгорает дотла.

«Что ж будет со мною?» – этот риторический вопрос, обращенный к картине, к будущему, получает ответ. Творец, который создал венец своего творчества, уже не способен творить, потому что все, что будет исполнять он дальше, будет лишь бледным отблеском «Глухаря» или любой другой работы, созданной под влиянием «болезни». Творец, как вещь, исполнил свое назначение, и более ни на что не годен. Но то дело, которое он совершил – праведное, пусть даже и не замеченное людьми. В философии В. М. Гаршина то изначальное зло, которое есть в человеке, не изменить даже «Глухарями» и «Кочегарами», но не пытаться изменить это, еще большее зло.

Рябинин выгорает изнутри, создавая без сна и покоя полотно. После окончания работы его настигает затяжная болезнь, которая, очевидно, вызвана болезнью душевной. После нее художник решает оставить Академию, ведь в его искусстве больше нет смысла, и уезжает учительствовать в деревню, буквально (принося себя в жертву) жертвуя собой.

Использование в рассказе большого количества риторических вопросов и восклицаний призвано обратить внимание на внутренний диалог Рябина с самим собой, в котором он так и не находит ответов: «Ну, а дальше?», «Кто позвал тебя?», «Зачем делаешь все это, куда идешь?», «Зачем верить?». Эти и другие риторические обращения к себе в большинстве случаев остаются без ответа, либо же ответ для Рябинина неутешителен. Это подтверждает муки творчества и творца, которые протекают в нем.

Обращает на себя внимание и обилие глаголов, особенно когда художник размышляет над своей работой над глухарем. Во второй «записке» Рябина в абзаце из пяти предложений, насчитывающих сорок пять слов, в том числе и служебных, глаголы встречаются десять раз: «сидел», «поехали», «напишу» и т. д. Подобная статистика повторяется и в последующих главах, в которых повествуется о напряженной работе над картиной. К примеру, в третьей «записке» соотношение составляет двадцать к пяти: «сизжу», «ходить» и т. д. Такое обилие слов действия можно объяснить высокой степенью напряжения Рябинина. Действие наблюдается во всех его мыслях и воспоминаниях, связанных с «Глухарем», он ни на минуту не расслабляется, даже когда работа окончена, его тело напряжено.

Таким образом, проведенный анализ показал, что образ творца в «Художниках» В. М. Гаршина примечателен как сам по себе, так и в отношении к образу его автора. Резонатор Рябинин олицетворяет собой того творца, который видится русскому писателю в самом себе – выжигающий себя каждой работой, работающий до последней капли крови, беспокойный, лишенный сна из-за тех образов, что вынужденно мучают его тело и разум. Это и безумство, и есть высшее проявление искусства. Для автора – это неразрывно связанные понятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаршин В. М. Письмо № 38 от 31.XII.1881 г. / Гаршин В. М. Избранное; Сост. И. И. Подольская. – М.: Правда, 1984. – С. 26–28.
2. Гаршин В. М. Рассказы. – М.: Детская литература, 2021. – 253 с.
3. Евстратова Е. Шедевры русских художников. – М.: Просвещение, 2012. – 190 с.
4. Короленко В. Г. Статьи, рецензии, очерки: в 10 т. – Т. 8. – М.: Гослитиздат, 1954. – 512 с.
5. Порудоминский В. И. Гаршин. – М.: Молодая гвардия, 1962. – 304 с.
6. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. общества А. А. Половцова. – СПб.: Импер. Рус. ист. о-во, 1896-1913. – 493 с.

КОНОНЕНКОВА А. Ю., МОЧАЛОВА Т. И.

**СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЖИВОТНОГО МИРА
В РУССКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

Аннотация. В работе рассматриваются способы номинации представителей животного мира в русских говорах на территории Республики Мордовия, выявляются мотивировочные признаки, положенные в основу номинации. В диалектной среде наиболее распространены наименования представителей фауны по характерному действию, признаку, предмету или количеству.

Ключевые слова: диалектология, говор, диалектизм, зооним, способ номинации, семантика, словообразование.

KONONENKOVA A. Y., MOCHALOVA T. I.

**ANIMAL NOMINATIONS IN RUSSIAN DIALECTS
ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA**

Abstract. The paper considers the ways of nominating representatives of the animal kingdom in Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia. In this connection the motivations forming the basis of the nomination are revealed. A conclusion is made that the dialect nominations of fauna representatives are based on their actions, features, object or quantity.

Keywords: dialectology, dialect, dialecticism, zoonym, nomination, semantics, word formation.

Лексика говоров богата словами, называющими представителей животного мира и являющимися неиссякаемым источником знаний о фауне определенной местности. Как отмечает А. Ф. Сагитова, наименования реальных флоры и фауны, бытующие в устном народном творчестве, «являются не просто обозначениями растений и животных, а отражают всю глубину взаимоотношения человека с окружающей действительностью» [9, с. 18]. Зоонимы изучались на материале различных диалектных групп прежде всего в структурно-семантическом аспекте [2; 3; 4; 5; 9].

Наименования представителей фауны, функционирующие в русских говорах Республики Мордовия, составляют достаточно большую и разнообразную группу слов. Различные тематические объединения становились предметом специального научного исследования: были охарактеризованы наименования домашних животных [6], птиц [8], проанализировано включение компонентов-зоонимов в состав диалектных устойчивых сочетаний [7].

Цель данной работы – охарактеризовать способы номинации представителей животного мира в русских говорах Мордовии, выявить мотивировочные признаки, используемые носителями диалекта для их наименования. Исследование проводится на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» [10].

Номинация – это образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, то есть служащих для называния и вычленения фрагментов неязыковой действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц – слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений [1, с. 222]. Процесс номинации является сложным многоаспектным явлением и отражает все этапы от зарождения наименования до реализации номинаций в языке. Способ номинации представляет собой прием осуществления реализации принципа номинации на основе мотивировочного признака. По мнению В. И. Максимова, «подчинение общей закономерности при назывании животных сказывается на учете специфичной для них системы признаков (выкрики, цвет, характер движений и т.п.), которые кладутся в основу наименований» [5, с. 107].

В исследуемых русских говорах многочисленны наименования животных по какому-либо предмету, связанному с ними. В основу наименования детенышей домашних животных могут быть положены какие-либо временные отрезки: *весенничек* – ‘ягненок, родившийся весной’, *осенник*, *осенчуг*, *осенчук* – ‘ягненок, родившийся осенью’, *зимнюх* – ‘поросенок, проживший зиму’ и др. Например: *Вот нърадица ягненък осинью, етъ и будит асинчук* (Малый Азясь, Ковылкинский район). Диалектное наименование *калинка* также связано с определенным периодом, так как это существительное обозначает любую мелкую рыбу, которая ловится во время цветения калины: *Калинку ни выбрасывъй, уху варить будим* (Инелейка, Большеигнатовский район).

Зафиксировано единичное наименование *молочник*, которое называет детеныша животного, еще сосущего матку. В диалектной среде этот факт является основополагающим в процессе номинации, поэтому отношение животного к тому или иному виду может не конкретизироваться: *Виш какой малошник-тъ у вас хороший, гождъ растет. У нас два малошника: тиленок и жърибенък* (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район).

Встречаются наименования представителей животного мира в зависимости от среды обитания (*тинник* – ‘любая рыба, которая живет в иле’, *мокишанка* – ‘лягушка’, то есть встречается в реке Мокше), места кормления (*полянник* – ‘теленка в возрасте от семи-восьми месяцев до полутора лет’. *Полянник* – *этъ тиленок, летъм он пасецца, вот и палянник* (Сивинь, Краснослободский район).

Распространены в русских говорах Республики Мордовия зоонимы, в основу номинации которых кладется какое-либо характерное действие. Так, особенности поведения

животного отражены в диалектных наименованиях *брыкуша, быркуша* – ‘бодливая корова, коза’, *пырвочка, пыряка, пырячка* – ‘бодливая корова’. Действие бодать, пырять выступает как мотивационный признак при образовании данных зоонимов: *Вот каровапыряццъ, этъ и называцця пырячккый* (Веденяпино, Теньгушевский район).

В основу номинации может быть положено действие, являющееся типичным для конкретных представителей животного мира: *несётка* – ‘курица-несушка’, *певун* – ‘петух’, *полеталка* – ‘птица’. Например: *Пивун наш кричит очиньгромкъ* (Шугурово, Большеберезниковский район). *Пляталкый у нас завут любу птицу, каторьялат* (Петровка, Дубёнский район).

В исследуемых говорах представлены также отглагольные образования, которые указывают на какие-либо особенности животного, связанные с его возрастом: *выросток* – ‘жеребенок’, *переходница* – ‘телка, не телившаяся до трех лет’. *Бываль пирихонниццъф держали – хорошъкаровъ будит, а нони нет, здают гъсударству* (Рязановка, Старошайговский район).

Небольшую в количественном отношении группу представляют диалектные отадъективные образования, в основу номинации которых положен какой-либо характерный признак. Для трудовой и хозяйственной деятельности сельских жителей большое значение имел возраст домашних животных и птиц, поэтому частотны в говорах наименований молодых и старых особей: *молодяк* – ‘молодые животные’, *молодка* – ‘молодая курица’, *старица* – ‘старая овца’ и др. Например: *Малотки да году, каторы ни нисуццъ* (Марьяновка, Большеберезниковский район). Особенности окраски представителей животного мира отражены в наименованиях *синявка* – ‘небольшая рыбка с синеватой чешуей’, *пестряк* – ‘промысловая птица рябчик’, *рыжонка* – ‘корова рыжей масти’: *Рыжонкъ у нас хърашодаит, мълакохорошъ* (Лаврентьево, Темниковский район). Внешний признак или физические особенности животного становятся основанием для наименования крота – *слепыи*, медведя – *мохнач*. Например: *Слепыи – этъ крот, он пѣд землѣй лазит* (Суподеевка, Ардатовский район).

Зафиксированы на материале русских говоров Мордовии немногочисленные зоонимы, которые указывают на возраст животного. Они образованы на базе количественных и порядковых числительных: *первак* – ‘первотельная корова’, *натретьяк* – ‘трехгодовалая лошадь’, *полутор* – ‘полторагодовалое животное’. Например: *Скатины-тъ у нас – каровѣдъ бычок-палутърник, в зиму аставитъ хатим* (Каменка, Чамзинский район). В номинации *натретьяк* содержится указание не только на возраст, но и хозяйственное предназначение животного: при достижении трехлетнего возраста его считали взрослой

особью: *Нѣтритьяк уш рабочя лошѣть. Нѣтритьяка уш в борону и плук зѣпрягают* (Рязановка, Старошайговский район).

Отдельно следует отметить диалектные зоонимы, образованные на базе словосочетаний. Так, в результате сложения основ существительного и прилагательного в сочетании с материально выраженным или нулевым суффиксом произведены диалектные наименования *доброход* – ‘рысистая лошадь’, *слепокрот* – ‘крот’, *красноглазка* – ‘рыба краснопёрка’. Сложносуффиксальное образование *мышеловка* – ‘кошка, хорошо ловящая мышей’ – восходит к словосочетанию с подчинительной связью (управление) *ловить мышей* и указывает на важные для сельских жителей способности домашнего животного. Интересно образованное в результате сращения сочетания слов наименование *кабысдох*, обозначающее истощенное и ненужное домашнее животное и имеющее ироничный характер: *Къбыздохъми нѣзывают плохех лѣшэдей, этъ как насмешкъ. Мать у нас сѣ собаку зовѣт къбыздохъм. Ни нужна она ей, она её так и нѣзывает* (Суподеевка, Ардатовский район).

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что в русских говорах на территории Республики Мордовия многочисленную и разнообразную в структурно-семантическом отношении группу представляют слова, называющие представителей фауны региона. Зафиксированы непроемные и немотивированные зоонимы: *барюран* – ‘пороенок’, *векиа* – ‘белка’; *бака* – ‘стрекоза’, *кочет* – ‘петух’ и др. В то же время в территориально замкнутом социуме широко распространены зоонимы, имеющие прозрачную внутреннюю форму, поскольку наименование представителей животного мирадиалектоносителями осуществляется по временным и пространственным признакам, возрасту, внешнему виду, особенностям поведения, хозяйственному назначению. В основу номинации при этом кладется, как правило, какой-либо характерный признак, предмет, действие или количество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. – 2-е изд., стереотип. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 390 с.
2. Иванова Е. Н. Образы животных в предметной диалектной лексике русского языка // Ономастика и диалектная лексика. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – Вып. 3. – С. 180–185.
3. Кокарева Л. В. Особенности словообразовательной структуры имен существительных со значением невзрослых существ в современных вологодских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. – СПб.: Наука, 2006. – С. 132–136.

4. Ларина Л. И., Занозина Л. О. Наименования суслика и крота в курских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. – СПб.: Наука, 2008. – С. 237–241.
5. Максимов В. И. Некоторые особенности суффиксального образования названий животных в диалектах (на материале лексики псковских говоров) // Лексика русских народных говоров: сб. статей. – М.-Л.: [Ленингр. отд-ние], 1966. – С. 106–125.
6. Мочалова Т. И. Наименования домашних животных в русских говорах Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2010. – С. 397–403.
7. Мочалова Т. И. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в русских говорах Республики Мордовия // Проблемы лингвистического краеведения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2011. – С. 115–123.
8. Мочалова Т. И. Лексика птицеводства в русских говорах на территории Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 313–320.
9. Сагитова А. Ф. Внутренняя форма слова как результат когнитивно-оценочной деятельности человека («флора», «фауна»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2008. – 22 с.
10. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / под ред. Р. В. Семенковой: А-Я. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006. – Вып. 1–8.

ЕРШОВА Н. И., ЯКОМАСКИНА А. О.

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННОГО ИЗДАНИЯ «СТОЛИЦА С»)**

Аннотация. В статье охарактеризованы синтаксические особенности региональных масс-медийных текстов (на примере электронного новостного общественно-политического издания «Столица С»). Показана общая установка на выразительность речи, в меньшей степени – на изобразительность, что проявляется в доминировании синтаксических средств создания экспрессивности.

Ключевые слова: интернет-дискурс, электронное издание, синтаксическое средство, экспрессивность, выразительность.

ERSHOVA N. I., YAKOMASKINA A. O.

**SYNTACTIC MEANS OF LINGUISTIC EXPRESSIVENESS:
A STUDY OF THE ELECTRONIC EDITION "STOLICA-S"**

Abstract. The article analyzes the syntactic features of regional mass media texts. The study is based on the news texts of the electronic socio-political newspaper "Stolica-S". The general trend of the expressiveness of speech is shown, to a lesser extent – to the figurativeness, which is manifested in the dominance of syntactic means of creating expressiveness.

Keywords: internet-discourse, electronic publication, syntactic means, expressiveness, expressiveness.

Интернет-СМИ и материалы, публикуемые в них, уже давно привлекают интерес лингвистов, но «только сейчас накопилось достаточное количество эмпирических данных, анализ которых позволяет исследователям сделать более или менее внятные выводы о процессах, затрагивающих сегмент СМИ в Интернете, о феномене интернет-журналистики, поскольку в условиях Интернет-среды меняются не только профессия, но и журналистские материалы, а также их отдельные структурные элементы в целом», – справедливо отмечает В. Федоров [3, с. 32]. Рассматривая качественные характеристики языка сетевых СМИ сегодня, можно с большой долей уверенности сказать, что он – это прямой продукт продолжительного действия двух тенденций. Демократизация (широкое распространение просторечной и жаргонной лексики как следствие указанного «освобождения языка от строгой нормированности, штампованности, зажатости» [1, с. 1583]) и диалогичность – основные доминанты языкового своеобразия современных сетевых СМИ, коррелирующие с особенностями печатных СМИ и отражающие «языковой вкус интернет-эпохи», по выражению Г. Н. Трофимовой [2], в целом.

Масс-медийные материалы, представленные электронном новостном общественно-политическом издании «Столица С», являются весьма показательными с точки зрения лексико-стилистического и синтаксического своеобразия языковой организации текста. В отличие от тропов и других средств языковой выразительности, базирующихся на единицах лексического уровня, стилистические фигуры и другие синтаксические средства, участвующие в усилении языковой экспрессии, в публикациях электронного издания «Столица С» встречаются гораздо чаще. Можно даже с большой долей уверенности утверждать и то, что стиль данного издания ориентирован преимущественно не на изобразительность, а на выразительность, предполагающую интонационное изменение высказывания в сторону повышения его воздействующих на адресата речи возможностей, в том числе и создания столь характерной для «Столицы С» иронической тональности изложения в целом.

В процессе аналитического изучения материалов статей и заметок электронного издания «Столица С» нам встретились следующие синтаксические средства, участвующие в усилении экспрессивных возможностей публицистической речи:

1. Ряды вопросительных и восклицательных конструкций, а также одиночные конструкции подобного типа, усиливающие эмоциональность изложения, например: *В христианстве считается, что спасти душу могут лишь те, кто искренне раскаялся в совершенном проступке. Но как быть тем, кто сотворил смертный грех? Прощает ли таких отступников Господь?* («Моя задача – сделать так, чтобы осужденный осознал совершенный грех и больше сюда не вернулся...». Отец Тихон (Федяшкин) – об особенностях веры «за решеткой» и спасении заблудших душ», 22.11.2016); *Такие поступки остаются в виде шрамов на сердце, которые осужденный пронесет через всю жизнь. Но он может на личном примере предупредить другого: «Посмотри на меня! Не повторяй моих ошибок!»* (Там же). Как правило, ряды вопросительных и восклицательных конструкций организованы по принципу синтаксического параллелизма, что позволяет особым образом структурировать фразу, придавая ей определенную интонацию с целью усиления воздействия на читателя и благозвучие, упорядоченность одновременно.

Приведем примеры одиночных вопросительных и восклицательных конструкций, встречающихся и в заголовках заметок: *Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть носит вовсе не естественный, а насильственный характер!* («Житель Мордовии забил до смерти 80-летнюю бабушку за отказ дать 100 рублей на выпивку!», 30.12.2016); *Любопытно, что сам потерпевший в суде заявил, что никто его не избивал, а на больничной койке он оказался, потому что... во сне упал с кровати на бутылку!* («В Саранске двоюродным братьям дали 8,5 лет «строгача» за жестокое избиение «подозреваемого» в

краже картошки!», 20.12.2016); **Однако суд расценил эту «версию» потерпевшего желанием помочь своим знакомым избежать уголовной ответственности!** (Там же); Ранее женщина уже привлекалась к административной ответственности за нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. **Тогда суд выписал ей штраф в 15 тысяч рублей!** («Шок месяца: в Саранске 15-летнему подростку продали бутылку пива», 29.12.2016); Одежду можно повесить на специальные плечики, потом пару раз дернуть за веревочку, и она... **взмывает под потолок!** («Медицина становится самой стратегической отраслью, определяющей силу любой страны! (Что увидела в Мордовии министр здравоохранения России Вероника Скворцова)», 13.12.2016).

В данную группу синтаксических средств языковой выразительности можно включить и риторические вопросы: *Выйдя на волю, он должен возместить ущерб тому, кому причинил зло. И пока этого не сделает, его душа будет маяться... А что делать, если речь идет о чужой загубленной жизни? Такие поступки остаются в виде шрамов на сердце, которые осужденный пронесет через всю жизнь* («Моя задача – сделать так, чтобы осужденный осознал совершенный грех и больше сюда не вернулся...». Отец Тихон (Федяшкин) – об особенностях веры «за решеткой» и спасении заблудших душ», 22.11.2016); Также Глава рассказал о «подъемных», которые выплачиваются фельдшерам и медсестрам ФАПов, участковым врачам-педиатрам, терапевтам, врачам общей практики, лорам и... неонатологам. «Не знаю, кто это такие, но деньги мы платим!» – искренне рассмеялся Волков. Зал разволновался: шутит или правда не знает? **Но разве можно упрекать человека за чувство юмора, а уж тем более за искренность?** («Медицина становится самой стратегической отраслью, определяющей силу любой страны! (Что увидела в Мордовии министр здравоохранения России Вероника Скворцова)», 13.12.2016); Веронику Скворцову встречали все-таки без букетов. **Зачем они нужны, когда в этом учреждении регулярно появляются на свет «цветы жизни»?** Директор центра Алексей Герасименко сходу рассказал, что в этих стенах уже родились почти 14 тысяч малышей (Там же); Такие трагедии, как недавно в Макеевке, когда погибли мирные жители, бывают редко. А так часто почти каждый день приходят сводки: погибла женщина такого-то года рождения. **Ну и что? Кто их считает, этих женщин?** (Военный журналист Анна Долгарева – о ситуации на Донбассе, проблемах Украины и своей судьбе), 04.12.2016).

2. Антитезы, усложняющие логическую структуру высказывания, позволяющие автору вскрыть противоречивую природу явлений и т. д., дать им более глубокую и исчерпывающую характеристику, например: *Поначалу от общения с осужденными было как-то не по себе. Но постепенно эта грань стерлась. Сейчас уже не ощущаю разницы между ними и мирскими прихожанами...* («Моя задача – сделать так, чтобы осужденный

осознал совершенный грех и больше сюда не вернулся...». Отец Тихон (Федяшкин) – об особенностях веры «за решеткой» и спасении заблудших душ», 22.11.2016); *Я бы сказал, что не колония* делает человека злодеем, *а он сам... Ведь, прежде чем ты оступился в своих поступках, ты оступился внутри себя. Взять любого осужденного. Кто-то из них в детстве мечтал стать вторым Юрием Гагариным. Но что-то сбило с истинного пути. И ведь это случилось не в один день или миг* (Там же); *А когда человек очищает сердце и не имеет зла к другим, он с добротой воспринимает окружающее* (Там же); Священник должен с теплотой и любовью относиться ко всем прихожанам. Неважно, встречаешь ты их *за решеткой или на воле: неприязни и отторжения к людям быть недолжно* (Там же); Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть носит **вовсе не естественный, а насильственный характер!** («Житель Мордовии забил до смерти 80-летнюю бабушку за отказ дать 100 рублей на выпивку!», 30.12.2016); *В Саранск приехала не просто министр, а приятная во всех отношениях женщина* («Медицина становится самой стратегической отраслью, определяющей силу любой страны! (Что увидела в Мордовии министр здравоохранения России Вероника Скворцова)», 13.12.2016).

3. Развернутые и одиночные сравнения, основанные на соположении единиц в тексте, в том числе и отдельных предложений, раскрывающих смысл сходства двух предметов или явлений и реализующих его в особом построении синтаксических конструкций и их элементов, например: *В каждом из нас накоплено много грехов, – говорит священнослужитель. – Их можно сравнить с большой кучей мусора, которая лежит на сердце. В первую очередь мы разгребаем и выбрасываем то, что на виду, то есть что беспокоит больше всего. Но под этим «хламом» оказывается новый слой, который тоже нужно убрать. А под ним – еще и еще... Нужно работать над сердцем до тех пор, пока все копи не иссякнут* («Моя задача – сделать так, чтобы осужденный осознал совершенный грех и больше сюда не вернулся...». Отец Тихон (Федяшкин) – об особенностях веры «за решеткой» и спасении заблудших душ», 22.11.2016); *«Она [культура населения] стала намного выше, чем в других городах», – поделился глава Мордовии оценками неназванных гостей, добавляя, что добиться этого сложнее, чем даже вырастить урожай* («Лучшие люди города» избрали на ближайшие пять лет мэра Саранска», 12.12.2016).

4. Парцеллированные конструкции, позволяющие правильно расставить смысловые акценты в высказывании, выделить наиболее важное, значимое с коммуникативной точки зрения для читателя: *Господь прощает все. Даже убийство* («Моя задача – сделать так, чтобы осужденный осознал совершенный грех и больше сюда не вернулся...». Отец Тихон (Федяшкин) – об особенностях веры «за решеткой» и спасении заблудших душ», 22.11.2016);

*Представьте ситуацию, что после отбытия срока человек изменил свое отношение к окружающему. **Решил начать жизнь заново** (Там же); Но человеком нужно оставаться во всех случаях жизни. **И нет исключения из этого правила. Когда ты один и когда ты в обществе. Когда ты на работе или дома. И если ты не сумел стать человеком на свободе, так стань им тут...**» (Там же).*

5. Синтаксические повторы, осложненные анафорой, усиливающие общую выразительность высказывания с влиянием на ее ритмико-интонационное построение, например: *Но человеком нужно оставаться во всех случаях жизни. И нет исключения из этого правила. **Когда ты один и когда ты в обществе. Когда ты на работе или дома. И если ты не сумел стать человеком на свободе, так стань им тут...*** («Моя задача – сделать так, чтобы осужденный осознал совершенный грех и больше сюда не вернулся...». Отец Тихон (Федяшкин) – об особенностях веры «за решеткой» и спасении заблудших душ», 22.11.2016);

6. Среди синтаксических средств создания выразительности публицистического изложения необходимо указать и приемы создания диалогичности, ориентированные на сокращение «дистанции» между автором и читателем, например:

1) использование утвердительных частиц в начале предложения как ответ на предполагаемый вопрос со стороны читателя: *«Многие считают, что, когда человек попадает за решетку, он безнадежен, – продолжает отец Тихон. – Это неправильно. Да, среда есть среда, и люди со слабой волей после освобождения могут вновь пойти на преступление* («Моя задача – сделать так, чтобы осужденный осознал совершенный грех и больше сюда не вернулся...». Отец Тихон (Федяшкин) – об особенностях веры «за решеткой» и спасении заблудших душ», 22.11.2016);

2) вопросно-ответную форму изложения: ***Прощает ли Бог тех, кто оказался в колонии? Да, но при условии, что человек раскаивается*** («Моя задача – сделать так, чтобы осужденный осознал совершенный грех и больше сюда не вернулся...». Отец Тихон (Федяшкин) – об особенностях веры «за решеткой» и спасении заблудших душ», 22.11.2016); ***Что приводит людей в тюрьму? Обманный блеск мнимого легкого богатства, наркотический дурман, гнев и тщеславие...*** (Там же); *Однажды меня спросили: **«Трудно ли быть священником?» – «Нет, – ответил я. – Трудно быть человеком!»*** (Там же).

Итак, анализ материалов заметок и статей, размещенных в электронном издании «Столица С», позволил выявить их особенности на синтаксическом уровне, которые нами рассматривались в аспекте функционирования различных стилистических фигур и других грамматических конструкций, обладающих повышенными экспрессивными возможностями в публицистике. Наиболее распространенными в данном случае, по нашим наблюдениям,

являются восклицательные и вопросительные конструкции, встречающиеся в том числе в заголовках и нацеленные на усиление эмоциональности изложения; риторические вопросы с подобной коммуникативной установкой; антитезы и сравнения, помогающие автору вскрыть сложность и неоднозначность объекта речи, установить его сходство с другими предметами и явлениями с целью более полной и эмоциональной его характеристики; парцелляция, с помощью которой устанавливаются верные с точки зрения автора смысловые акценты в высказывании; синтаксические повторы, осложненные анафорой, делающие фразу более гармоничной, звучной, а также многочисленные приемы создания диалогичности речи (утвердительные частицы, вопросно-ответная форма изложения и т. д.), с помощью чего автор материала стремится «сократить дистанцию» с читателем, перевести разговор на дружеский, доверительный уровень, расположить его к себе и т. д.

Несмотря на то, что перечень проанализированных синтаксических средств выразительности невелик, частотность их использования, как это можно увидеть из числа приведенных нами примеров, высокая, что свидетельствует об их характерности для данного электронного издания и манере письма работающих в нем журналистов в целом. При этом их выбор и использование не обнаруживает какой-то тесной связи с темой материала, как это было заметно при рассмотрении лексико-стилистических средств языка, представленных в материалах «Столицы С»: они достаточно универсальны и реализуют поставленные перед ними коммуникативные задачи независимо от условий функционирования (тематических, стилистических и т. д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сафина А. Р. Особенности языка российских Интернет-СМИ. Феномен гипертекста // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – № 2-6. – Т. 14. – С. 1582–1587.
2. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты): монография. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 300 с.
3. Федоров В. Интернет – не конкурент традиционным СМИ, но имеет перспективы // Мой компьютер. – 2011. – № 24. – С. 32.

КОЗЛОВА Н. А.
ТВОРЧЕСТВО В. С. ВЫСОЦКОГО
В ВОСПРИЯТИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Аннотация. В статье рассматривается рецепция творчества Владимира Высоцкого российским литературоведением XX – XXI веков. Особо внимание уделяется работам А. В. Скобелева и С. М. Шаулова, Е. В. Андриенко, С. С. Бирюковой, М. Гасановой, В. Новикова.

Ключевые слова: русская литература, Владимир Высоцкий, мотив, образ, художественное своеобразие, творчество, поэтическое мировидение.

KOZLOVA N. A.
V. S. VYSOTSKY'S POETIC WORKS IN THE CRITICISM
OF THE END OF XX - BEGINNING OF XXI CENTURIES

Abstract. The article discusses the interpretations of Vladimir Vysotsky's poetic works in Russian literary criticism of the 20th - 21st centuries. Particular attention is paid to the works of A. V. Skobelev and S. M. Shaulov, E. V. Andrienko, S. S. Biryukova, M. Gasanova, V. Novikov.

Keywords: Russian literature, Vladimir Vysotsky, motive, image, poet, personality, artistic worldview.

На протяжении длительного времени баллады, песни, стихотворения В. С. Высоцкого продолжают сохранять актуальность и находить отклик и у верных почитателей его творчества, и у вновь появляющихся. Критики и литературоведы отмечают особый феномен «народности» поэта, говоря о языке и художественных особенностях его произведений, посредством которых он выражал не только общее настроение, но и индивидуальное, неповторимое восприятие мира каждым из его читателей и слушателей.

В. С. Высоцкий в своем творчестве затрагивал не только вечные философские темы любви, смерти, предназначения поэта, но и темы быта и жизни так называемых обыкновенных людей. Он открыто высказывался о политике, патриотизме, социальных проблемах общества. Его произведения распространялись через самиздат, жили в устах молодежи, устраивающей квартирники с гитарой, в шутках советских людей. Сложно переоценить вклад поэта в русскую литературу. Его поэзия пульсировала подобно оголённому нерву, поэтому беспрепятственно проникала в сознание и души слушателей. Творчество В. С. Высоцкого во многом обозначило вектор развития современной поэзии.

Мы определяем В. С. Высоцкого не только как «барда» или сочинителя «авторской песни», но как поэта национального масштаба в пространстве русской литературы. Отечественное высокоцковедение набирает значимость лишь в последние двадцать с

небольшим лет. До этого времени имя поэта не упоминалось ни в учебниках, ни в статьях, ни в монографиях, творчество его было вне науки. В постсоветском пространстве научный интерес формировался сначала посредством серии альманахов «Мир Высоцкого», затем диссертациями Е. В. Андриенко («Концепты русской культуры в поэтическом творчестве В. С. Высоцкого: Между тоской и свободой»), С. С. Бирюковой («Б. Окуджава, В. Высоцкий и традиции авторской песни на эстраде»).

Феномен В. С. Высоцкого осмыслили такие исследователи, как В. Новиков, Ю. Блинов, Н. Волкова, М. Воронова, Е. Жукова, А. Кулагин, Н. Крымова, Н. Рудник, А. Скобелев, Вл. Толстых, С. Шаулов, Н. Федина, В. Гавриков и другие. О жизни и судьбе поэта рассказывает одна из книг знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», написанных В. И. Новиковым.

Несмотря на то, что творчество В. С. Высоцкого продолжает активно изучаться, стоит выделить самые яркие, на наш взгляд, исследования в области высоцковедения. В их ряду труд С. С. Бирюковой (1990 г.), которая впервые исследует проблемы авторской песни как синкретичного искусства. С. С. Бирюкова рассматривает историю становления и развития данного жанра; ею анализируется весь тематический пласт авторской песни, в которой затрагиваются этические и эстетические проблемы творчества советских бардов. По ее мнению, большую роль играет уровень поэтической интонации, бардовское творчество, при всем его различии в поэтических школах, ищет интонационного единства. Однако в каждом случае песня обретает свою уникальную исполнительскую интонацию.

Особое внимание в диссертации С. С. Бирюковой уделяется песенному творчеству Б. Ш. Окуджавы и В. С. Высоцкого. Б. Окуджава больше показан как бард-новатор, преобразивший советскую песню, которая становилась общественным достоянием, а не исполнялась только для «узкого круга» друзей и единомышленников. С. С. Бирюкова в своей работе отмечает, что авторская песня появилась как альтернатива советской массовой песне. Поэт в своих произведениях обращается не ко всем, а к каждому в отдельности [2]. В песнях Б. Окуджавы слышится особая драматическая нота, звучат мотивы трагизма и ностальгии.

С. С. Бирюкова отмечает, что для поэзии В. С. Высоцкого характерно использование приема перевоплощения автора в персонажа, ибо почти каждая его песня поется от первого лица. Этот прием используется для большей проникновенности. С. С. Бирюкова выделяет такую особенность творчества В. С. Высоцкого, как синкретизм и многослойность. Стихотворения о любви, соединяясь с формой «блатной» песни, реализуют мотив неверности женщины, её меркантильности и безнравственности. Тема судьбы и рока включает в себя мотивы скоротечности жизни, смерти, мотив удачи и отсутствия желания

жить. Военную тему составляют мотив дружбы, любви к Родине, мотивы смерти и потери близких людей.

Годом позднее выходит первая монография о поэте «Владимир Высоцкий: Мир и Слово», над которой работали А. В. Скобелев и С. М. Шаулов [5]. Эта книга является одной из попыток осмысления поэтической системы В. С. Высоцкого. Особое внимание исследователи уделяют описанию художественной специфики его поэзии. По их мнению, вся творческая деятельность В. С. Высоцкого пропитана мощной нравственной энергией, которая направлена на постижение мира вообще и мира людей в частности. Эти вопросы авторы выделяют как важнейшие аспекты поэтического творчества В. С. Высоцкого.

Наряду с этим А. В. Скобелев и С. М. Шаулов отмечают, что тематика, образность, мотивы и все прочие компоненты поэтической художественности В. С. Высоцкого демонстрируют философскую направленность его лирики.

Безусловный интерес вызывает диссертация Е. В. Андриенко «Концепты русской культуры в поэтическом творчестве В. С. Высоцкого: Между тоской и свободой» (2003) [1].

Автор работы на примере творчества В. С. Высоцкого исследует основные концепты русской культуры, которые творчески преобразуются и приобретают уникальное интонационное звучание в произведениях поэта. Е. В. Андриенко особенно отмечает вопросы, касающиеся поэтической личности, специфики поэтического языка и художественного образа.

Исследователь приходит к выводу, что в лирике В. С. Высоцкого встречается множество лексем, которые участвуют в концептуализации тоски и свободы. Так же автор размышляет о том, как Высоцкий выражает концептуальные смыслы при отсутствии в тексте прямых лексем.

Объектом исследования М. Гасановой в работе «Автор и герой в поэзии В. С. Высоцкого» стало художественное своеобразие творчества В. С. Высоцкого, а именно актуальная и по сей день проблема взаимоотношения автора и героя [3].

В своей диссертации М. Гасанова знакомит нас с рядом работ, в которых делается попытка классификации и систематизации определения типа героя в поэтическом мире В. С. Высоцкого. Особенно интересны зарисовки автора, связанные с лирическим героем Высоцкого, который, по мнению исследователя, условно представлен в 3 типах: собственно лирический герой, герой с автобиографическими чертами и «скрытый» лирический герой, который по форме является ролевым, а по содержанию – лирическим [3].

М. Гасанова, опираясь на труды отечественных исследователей, приходит к выводу о том, что проблема взаимоотношений автора и героя – один из ключевых в стихотворениях В. С. Высоцкого, особенно в понимании его поэтики. Кроме того, М. Гасанова отмечает, что

в творческом мире В. С. Высоцкого образ автора играет роль связующего звена, объединяющего все мотивы, образы и жанры поэзии.

М. Гасанова считает, что художественное своеобразие поэзии В. С. Высоцкого является до конца не изученным, как и проблемы авторской песни как жанра.

Книга В. И. Новикова из серии ЖЗЛ посвящена биографии В. С. Высоцкого – культовой фигуре двадцатого века, ярком и многогранном человеке-творце, судьба которого нуждается в основательном осмыслении современниками.

Исследователь не раз упоминает, что Владимир Высоцкий – «сложный» поэт, вопреки бросающейся в глаза простоте его поэтического высказывания. Он всегда стремился давать представление о своем художественном мире в целом, демонстрировать его с разных сторон, чтобы каждый читатель (слушатель) мог насладиться тем, что ему по душе. Даже те, как пишет В. И. Новиков, кто не признавал В. С. Высоцкого и отказывал ему в звании поэта, все равно находили ту самую «свою» любимую песню, слова которой знали наизусть. Автор книги замечает, что не всякого пишущего поэта ожидает подобная участь – участь творческого бессмертия [4].

Несмотря на всю феноменальность поэзии и личности В. С. Высоцкого, до конца своей жизни он оставался в рамках литературного непризнания. Только сейчас, уже в другой эпохе, по достоинству оценивается его творчество.

Сегодня все больше появляется литературоведов-высоцковедов, и в России, и за ее пределами. Активно ведется перевод его стихотворений на другие языки.

Никого не оставляют равнодушными и песни В. С. Высоцкого. Исполнители по своему трактуют его песенный материал, но каждый пытается передать слушателям тот страстный накал, то усиленное смысловое содержание, тот юмор, ту иронию и остроту высказываний, столь характерные для его песен.

Творчество Владимира Высоцкого подчинено одной цели – утверждению нравственных, общечеловеческих законов, неизменных для всех времен. Все многообразие тем, мотивов и образов реализуют, по сути, эту основную идею его поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриенко Е. В. Концепты русской культуры в поэтическом творчестве В. С. Высоцкого: между тоской и свободой: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/kontsepty-russkoi-kultury-v-poeticheskom-tvorchestve-v-s-vysotskogo-mezhdu-toskoi-i-svobodoi> (дата обращения 25.01.2022).

2. Бирюкова С. С. Б. Окуджава, В. Высоцкий и традиции авторской песни на эстраде: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cheloveknauka.com/b-okudzhava-v-vysotskiy-i-traditsii-avtorskoj-pesni-na-estrade> (дата обращения 25.01.2022).
3. Гасанова М. А. Автор и герой в поэзии В. С. Высоцкого: автореф. ... дисс. канд. филол. наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/avtor-i-geroj-v-poezii-v-s-vysockogo.html> (дата обращения 25.01.2022).
4. Новиков В. И. Высоцкий. – 8-е изд., стереотип. – М.: Молодая гвардия, 2018. – 492 с.
5. Скобелев А. В., Шаулов С. М. Владимир Высоцкий: Мир и слово. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1991. – 204 с.

МАМАТОВ Г. М., МАТВЕЕВ И. В.

**«МГНОВЕННОСТЬ ПЫШНЫХ БЕЛЫХ РОЗ». ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
СТИХОТВОРЕНИЯ К. Д. БАЛЬМОНТА «МОРСКИЕ РОЗЫ»**

Аннотация. В статье представлен анализ миниатюры К. Д. Бальмонта «Морские розы». Рассматриваются ее символика, мифопоэтика, связь с другими стихотворениями поэта, переключки с произведениями предшественников. В ходе интертекстуального и мифопоэтического анализа было выявлено, что стихотворение связано как с эксплицированными в нем темами, так и с имплицированными.

Ключевые слова: мотив, Бальмонт, интертекст, мифопоэтика, поэзия, символизм.

MAMATOV G. M., MATVEEV I. V.

**«INSTANTANEOUSNESS OF LUSH WHITE ROSES». INTERPRETATION OF
THE POEM BY K. D. BALMONT «SEA ROSES»**

Abstract. The article presents an analysis of the K. D. Balmont's miniature «Sea roses». The authors consider its symbolic and mythopoetic relations with other poems by the poet and works by his predecessors. The poem is connected both with the themes explicated in it and with implicit themes observed in the course of intertextual and mythopoetic analysis.

Keywords: motive, Balmont, intertextuality, mythopoetics, poetry, symbolism.

В лирике К. Д. Бальмонта особое место занимает символика различных цветов, что связано и со стихийной поэтикой старшего символиста, в которой природные образы имеют принципиальное значение, и с богатой символической традицией, закрепленной за многочисленными флористическими образами, уходящими своими корнями в фольклор и архаичную мифологию. Так Л. А. Соколова отмечает, что «цветочный мир» в творчестве поэта во многом опирается на славянский фольклор и восходит к мифологеме «Мирового Древа», что обуславливает частое упоминание «сакральных», связанных с языческими таинствами в поэзии Бальмонта: «мир индивидуальный зависит от традиций славянского, поэт следует славянским традициям в изображении цветов» [10, с. 75]. Данное утверждение доказывается на подробном анализе образов кувшинки, мака, люб-травы, папоротника.

Другой важной работой представляется статья Т. С. Петровой «Мир растений в поэзии К. Бальмонта», где описывается цветок как двойник поэта и общность мира людей и мира растений, что связано с взглядами на искусство старшего символиста [9]. Отдельные наблюдения сделаны Н. Дворяшиной и Н. Крохиной. Наименее изученным в этом смысле остается символика отдельных цветов, в частности, розы — одного из хрестоматийных, древнейших флористических образов в мировой литературе, наполненного различными

смыслами и культурными ассоциациями. Нельзя не выделить, что это наиболее противоречивый символ среди всех цветов, что связано с его обширнейшей географией: *«Роза распространилась от Персии через Фригию и Македонию до Греции и Рима, от мусульманских окраин до севера Европы, куда проникла лишь в христианскую пору»* [4, с. 1].

Как отмечает А. Н. Веселовский, в каждую эпоху и в каждой стране, где росла эта царица цветов, она имела свои особые смыслы, которые в итоге сложились в определенную, традиционную для нее символику. Причем, с одной стороны, это символ женской красоты, Афродиты (роза — «вестница весны»), но с другой стороны, это символ смерти у римлян и возрождения после гибели в алхимии [4, с. 2]. В персидской мифологии это цветок страсти, убивающий своими шипами влюбленного соловья [5, с. 14]. Выделим, что в мифологии значение имеет и цвет розы: красная связана с кровью и мученичеством, например, в греческой мифологии она выросла из крови Адониса, тогда как белая роза — символ Венеры, юности и девственности.

Важно и то, что из язычества роза переходит в христианство, где соотносится с Христом: алые розы выросли на кресте распятого Иисуса, белая — эмблема Богородицы. В дальнейшем роза появляется в творчестве большинства великих поэтов, у каждого из которых она имеет самые различные коннотации. Таким образом, к моменту появления на поэтической сцене К. Д. Бальмонта, роза представляла собой типичный поэтизм, характерный как для западной, так и для восточной лирики, имеющий многовековую историю. Нас заинтересовала миниатюра «Морские розы» (1908) из цикла «Преломленья», входящего в книгу «Птицы в воздухе» (1908):

*Морские розы – розы белые,
Они цветут во время бурь,
Когда валы освирепелые
Морскую мучают лазурь.*

*И бьют ее, взметаю с грохотом,
И возмущают ревом гроз,
И возвращают с мертвым хохотом
Мгновенность пышных белых роз*
[2, с. 651].

Выделим, что в книге Бальмонта, куда и вошло рассматриваемое стихотворение, флористическая символика разнообразна. Она представлена символикой лилии, орхидеи,

фиалки, шиповника, мака, василька, незабудки, льна, сирени, люб-травы и т.д. Образ розы в данном контексте весьма частотен и появляется помимо указанного произведения в миниатюрах «Роза-шиповник», «Розы», «Скрипка» и «Лада». Однако в большинстве этих произведений роза ассоциируется с типичными в поэтической традиции темами любви и женской красоты. В рассматриваемом стихотворении символика цветка более сложна и многогранна.

Название стихотворения, как и его первый стих, запечатлевает типичный для Бальмонта прием синтеза разнородных стихий: земля и море. Роза — цветок, с которым сравнивается морская пена, возникающая на гребнях волн во время шторма. Далее к этому прибавляется воздушная образность: *буря* и *грозы*, что также связано и с названием книги. Нельзя не выделить и фигуру крайне близкую хиазму, которая возникает в первом стихе: «*Морские розы — розы белые*». Помимо повтора слова «розы», здесь важно построение синтаксической структуры стиха: Adj+Sub — Sub+Adj. Такая «обратная» постановка двух прилагательных и двух одинаковых существительных, строится по принципу отражения. Тире выполняет функцию и интонационной паузы (цезуры), и зеркала, которое «отражает» совершенно разные особенности в символике роз, их морскую природу и их цвет, что заставляет обратиться к определенным культурным значениям.

В этом случае можно говорить об аллюзии к мифу о рождении Афродиты из пены Урана. После ее появления в пучине Средиземного моря и выхода на берег острова Крит, на земле выросли белоснежные розы, которыми украшали ее храм. В стихотворении уместно говорить о влиянии именно этой мифологемы, потому что оно близко по своему лирическому сюжету миниатюре «К случайной», где Афродита — порождение союза небесной, морской и земной стихий: «*И на миг вероломная Влага с этой кровью небесною слита,/ И в минутном слиянии двух светов появилась в мир Афродита*» [2, с. 454]. Важно и то, что образ богини для Бальмонта ассоциируется с цветком: «*Почему так люблю я измены и цветы с лепестками из крови*». Безусловно, кровавые цветы более раннего текста не имеют никакого отношения к белоснежным хрупким розам из пены в изучаемой миниатюре, но в обоих случаях очевидна общая для них связь с мотивами страдания и смерти, красоты, порожденной ирреальной, стихийной силой (в обоих текстах это морская пучина), с мотивом морской пены, и, собственно, образом цветка.

Другим моментом, связанным с темой красоты, является связь миниатюры с названием цикла, в который она входит. Слово преломление подразумевает лиминальное положение на грани между светом и темнотой. Образ роз — преломление между стихиями, тьмой пучины и светом неба, а значит и между верхом, куда устремляется морская волна и низом, то есть дном моря, на котором она образовывается. Красота мира, которую символизируют розы,

ирреальна, ее природа непостижима, таинственна, мимолетна и хрупка, ибо трагедия стихотворения в неминуемой гибели прекрасных цветов, их превращение в брызги пены. Исходя из выводов о связи с мифом об Афродите, нельзя не допустить о божественном, трансцендентном начале в понятии прекрасного у Бальмонта. Заметим, что и в миниатюре «К случайной» Афродита порождение двух миров — результат преломления света кровавого заката и тьмы морского дна. Афродита у Бальмонта появляется в минутном слиянии, что также родственно морским розам, чье существование скоротечно, что маркировано словом «мгновенность».

Дальнейшее развитие первой строфы посвящено расцвету роз как рождению красоты. Заметим, что прекрасное для Бальмонта появляется во время трагических и сложных ситуаций, несущих разрушение и гибель, в данном случае это буря. Обратим внимание на тот момент, что образ шторма занимает в тексте важное место и ему посвящено больше стихов, чем символике роз. Он начинается в третьем стихе первого катрена, а завершается в третьем стихе второго. Не менее важно и то, что он наполнен движением, крайне динамичен и описан глаголами, выражающими активное, агрессивное действие: «мучают», «бьют», «возмущают» и «возвращают». Динамичность передают и единоначатие с одинаковым чередованием союза «и» и глаголов, и анафорическая рифма: «*И возмущают*» — «*И возвращают*».

Понятие красоты высвечивается благодаря отсылкам и к предшественникам, и к произведениям самого Бальмонта, что было доказано при сопоставлении текста с миниатюрой «К случайной». В «Птицах в воздухе» белые розы также связываются с понятием запредельных, прекрасных миров, где возможно существование идеала, постижимого лишь через соприкосновение с искусством, например, с музыкой: «*Был он в море белых роз,/ С кем-то белым он встречался,/ С ярким звуком оборвался,/ И вернулся в брызгах слез*» («Скрипка»)[2, с. 633]. Белые розы также связываются не только с морской пеной, но и со снегом горных вершин, что подразумевает их возвышенную божественную природу: «*Я видел много алых роз,/ И роз нагорно-белых./ И много ликов пронеслось/ В уме, в его пределах*» [2, с. 687].

Не менее важным оказывается связь этой миниатюры со стихотворением в прозе И.С. Тургенева «Лазурное царство: *«Упоительные благовония неслись с округлых берегов; одни из этих островов осыпали нас дождем белых роз и ландышей; с других внезапно поднимались радужные длиннокрылые птицы. Птицы кружились над нами, ландыши и розы таяли в жемчужной пене, скользившей вдоль гладких боков нашей лодки»* [11, с. 153]. Растворяющиеся в пене розы и ландыши связаны с миром сна, фантазии, молодости и красоты. Отличием в данном случае будет осмысление роз у Тургенева как символа позитивного, наполненного

витальным и волшебным началом и гармонично сочетающимся с остальными образами: жемчужная пена, ландыши, парус, кажущийся герою *«лебединой грудью»* — все это также создает ощущение легкости, воздушности и радости. У Бальмонта символ роз трагичен и имеет большее количество смыслов. Это хрупкость, невозможность долгого существования красоты, но в то же время это и символ возрождения, связанный с вечным движением морских волн.

Нельзя не выделить и еще одно символическое значение морских роз как метафоры жизни. Если в первой строфе описано их существование: *«Они цветут во время бурь»*, то во второй строфе указывается на их гибель и краткосрочность: *«И возвращают с мертвым хохотом/ Мгновенность пышных белых роз»*. Образ цветка в символизме, безусловно, связан с циклом человеческой жизни от рождения через цветение-бытие к смерти, о чем пишет А. Ханзен-Леве: *«существование символического человека изображается через посредство «цветочного»»* [12, с. 600]. Заметим, что у Бальмонта морская волна как аллегория человеческой жизни имеет место и в стихотворении «Белый пожар» из книги «Будем как Солнце», где появляющиеся из пены белые кони, разбиваются о берег. Шторм символизирует рок. Морские розы разбиваются в брызги, растворяясь в волнах, но можно предположить, что здесь нет трагической окраски, волна, будучи символом вечного движения, имеет свойство повторяемости, перевоплощения, а потому на смену одним розам вырастают другие.

Особым акцентом представляется финальный стих: *«Мгновенность пышных белых роз»*. Живописуемая картина являет собой миг, мимолетное впечатление, занесенное на бумагу, что позволяет говорить о влиянии импрессионизма. Безусловно, это и попытка уловить мимолетность, увидеть в ней скрещение времен жизни белых роз и той мимолетности, которую она представляет собой в восприятии лирического героя. К. М. Азадовский выделяет: *«Запечатленные в лучших стихах Б. [Бальмонта] оттенки любовного чувства, непосредственное восприятие природы, способность глубоко ощущать мгновение придают многим его произведениям особенно ранним, импрессионистический характер. В своих лирических вещах Б., несомненно, более импрессионист, нежели символист»* [1, с. 61]. Нам трудно согласиться с автором насчет «большей» импрессионистической сущности поэтики Бальмонта, чем символистской, однако именно мгновение здесь играет центральную роль, что позволяет утверждать скорее о единстве импрессионизма и символизма в стихотворении. Символистское восприятие розы, осмысление ее различных значений (кратковременность человеческой жизни, концепция красоты, гармония и стихийный синтез) сочетается тут с импрессионистической мгновенностью описываемого явления, попыткой уловить в сиюминутном целую жизнь. Эта мгновенность вбирает в себя огромное число значений, в чем и видится специфика символа у Бальмонта в этом произведении, он наполнен множеством

самых разных смыслов, многогранен и, в то же время, амбивалентен, что доказывает следующая таблица:

Таблица 1

**Противоположные мотивы стихотворения
как показатель амбивалентности основной символики**

Море, водная стихия: «морские розы», «Они цветут во время бурь».	Земля, земная природа роз как цветов + воздушность: «Они цветут во время бурь».
Хрупкость, гармоничная красота морских роз, их пышность: «Мгновенность пышных белых роз».	Могучесть, свирепость морских волн, порождающих розы, хаос стихии: «Когда валы освирепелые / Морскую мучают лазурь».
Божественное, небесное начало, связанное с мифом об Афродите.	Море — пучина, хтоническое, наполненное инфернальными мотивами пространство: «И возвращают с мертвым хохотом»
Жизнь, цветение.	Смерть, гибель: «И возвращают с мертвым хохотом / Мгновенность пышных белых роз»
Статика: «Они цветут во время бурь».	Динамика, мотив стихии: буря, валы освирепелые, «И возмущают ревом гроз».

Нельзя не отметить, что у других русских символистов белая роза часто связывается с образом красивой девушки: «Вечер настал, и земное утешилось сном./ Девушка плакала ночью в тиши, — но о ком?/ Белая роза увяла без слез в эту ночь./ Голуби утром мелькнули — и кинулись прочь» (В.Я. Брюсов «Весна») [3, с. 163], или с возлюбленной: «Она в дыханье смертных уст/ Бессмертие вдыхает/ И в них, как этот белый куст,/ Тебе благоухает» (Вяч. Иванов «Белые розы») [6, с. 509]. Данное значение в тексте Бальмонта кажется нереализованным. Но оно имплицитно, что связано с возлюбленной поэта Миррой Лохвицкой. Опишем контекстуальные переключки «Морских роз» с миниатюрой поэтессы «Белые розы» из цикла «Перед закатом». Авторы комментария к этому произведению, отмечают ее близость стихотворению Бальмонта «Скрипка» из той же книги «Птицы в воздухе», однако связь с «Морскими розами» еще более очевидна и заслуживает особого внимания: «Приди! Испей от чаши сладостной. / Свой дух усталый обнови. / Я буду светлой, буду радостной, / Я буду гением любви. // Я дам лазурные мгновения. / Приди — и сердце обнови/ Полетом вольного забвения/ Меж белых роз моей любви» [7, с. 20].

В первую очередь близость обеих миниатюр видна на стиховедческом уровне: оба текста состоят из двух катренов, в которых наблюдается одинаковое чередование дактилических и мужских клаузул в перекрестной рифме, четырехстопный ямб, использование подряд трех анафорических конструкций, состоящих из кратких однобуквенных слов (союз «и» у Бальмонта и местоимение «я» у Лохвицкой) и глаголов («Я буду...», «Я буду...», «Я дам...»). С помощью этих приемов создается своеобразный поэтический диалог между двумя поэтами на стиховом уровне произведений.

Не менее важными оказываются и сходства в лексической структуре: «лазурные мгновения» «белых роз» вполне соотносятся со стихами «Мгновенность пышных белых роз» и «Морскую мучают лазурь», а лазурь времени, то есть ирреальность и мимолетность любви подобна и краткости существования красоты, и морской лазури, что вводит и тему любви в текст Бальмонта: это как бы ответ любимой женщине. Белые розы ее любви трансформируются в его миниатюре в цветы Красоты и Женственности, что также коррелирует с описанным мотивом Афродиты. Таким образом, вступая в разговор с жизнерадостным, наполненным витальностью и радостью любви стихотворением Лохвицкой, с чашей сладостной чувств, Бальмонт пишет произведение о трагическом финале, их мгновенности и гибели в лазурных волнах моря-судьбы. Известно, что любовь к поэтессе символист сохранил на всю жизнь, а ее портрет стоял все время на его письменном столе. Потому уместно обратиться к биографии. Т. Александрова отмечает многочисленные связи стихов Бальмонта 1905-1910-ых годов с произведениями поэтессы: «Сборники Бальмонта 1906-1912-ых годов <...> — полны создаваемым мифом о возлюбленной, утраченной и вечно живой. <...> В стихах этих лет продолжается тот же интертекст, полный аллюзий на поэзию Лохвицкой, но малопонятный вне контекста» [8, с. 14]. Поэтому, и морские розы, разбивающиеся, но вновь появляющиеся на волнах, становятся символом вечной любви, способной противостоять хаосу и смерти.

Миниатюра «Морские розы» Константина Бальмонта оказывается весьма сложным и удивительным явлением. В главном образе стихотворения скрещиваются основные мотивы его творчества: природа, красота, время, стихийность, любовь. В то же время, символ Бальмонта многогранен и амбивалентен. Он строится на сочетании полярных тем: жизнь и смерть, гармония и хаос, время и вечность. Нельзя не отметить и богатую интертекстуальную и мифопоэтическую наполненность этого произведения. Но данный текст можно назвать многогранным и по количеству его трактовок, так как его можно видеть и как гимн несчастной любви, диалог с прекрасной возлюбленной, и как воплощение эстетических взглядов символиста на искусство и красоту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский К. М. Бальмонт // Русские писатели: библиографический словарь: в 6 т. – М.: Нестор-История, 1990. – Т. 1. – С. 57–61.
2. Бальмонт К. Д. Полное собрание поэзии и прозы. – М.: Альфа-Книга, 2011. – 256 с.
3. Брюсов В. Я. Юношеские стихотворения // Собрание сочинений: в 2 т. – СПб.: Сирин, 1913. – Т. 1. – 185 с.
4. Веселовский А. Н. Из поэтики розы // Избранные статьи. – Л., 1939. – С. 53–72.
5. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. – М.: Агропроиздат, 1913. – 362 с.
6. Иванов В. И. «CorArdens», книга пятая «Rosarium». Разные лирические стихотворения // Собрание сочинений в 4 т. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. – Т. 2. – 508 с.
7. Лохвицкая М. А. Перед закатом. – СПб.: Изд-во А. Г. Суворина, 1908. – 64 с.
8. Лохвицкая М. А. Стихотворения // Собрание сочинений: в 3 т. – Т. 1. – М.: Дмитрий Сечин, 2018. – 56 с.
9. Петрова Т. С. Мир растений в поэтическом мире К. Бальмонта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sspu.ru/pages/subfaculties/rya/projekts/balmont/Petrova_T.S._Mir_rasteniy.pdf (дата обращения 20.04.2022).
10. Соколова Л. А. Мир цветов в поэзии К. Бальмонта: славянские традиции и авторская интерпретация // Вестник Новгородского Государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2009. – № 52. – 74–78.
11. Тургенев И. С. Повести и рассказы (1881-1883). Стихотворения в прозе (1878-1883). Произведения разных годов // Собрание сочинений: в 30 т. – М.: Наука, 1982. – Т. 10. – 152 с.
12. Ханзен-Леве А. А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. – СПб.: Академический проспект, 2003. – 816 с.

БЕЛОВА Н. А., КОМИССАРОВА К. А.

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ЖИВОТНЫЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Статья содержит результаты исследования фразеологических единиц с компонентом «животные», отраженных во фразеологических словарях русского языка. Целью статьи является рассмотрение структурно-семантических особенностей данных фразеологизмов. Выводы авторов дают определенное представление о частотности фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском языке, их фразеобразовательном потенциале и месте в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: фразеологическая единица (ФЕ), ФЕ с компонентом «животные», русская языковая картина мира, структурно-семантические особенности ФЕ с компонентами-зоонимами, фразеологическая активность ФЕ с компонентом-зоонимом.

BELOVA N. A., KOMISSAROVA K. A.

**STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH THE COMPONENT «ANIMALS» IN RUSSIAN LANGUAGE**

Abstract. The article presents the results of the study of phraseological units with the component «animals» included in the phraseological dictionaries of the Russian language. The goal of the article is to consider the structural and semantic features of these phraseological units. The conclusions give an idea of the frequency of phraseological units with the component-zoonym in the Russian language, their phrase-forming potential and their place in the Russian language picture of the world.

Keywords: phraseological unit, phraseological units with the component «animals», Russian language picture of the world, structural and semantic features of phraseological units with components-zoonyms, activity of phraseological units with the component-zoonym.

В данной статье отражены результаты исследования структурно-семантических особенностей фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом-зоонимом в русском языке. Материалом для наблюдений послужили фразеологические словари Ю. А. Ларионовой и А. И. Молоткова [8; 11]. В процессе работы решались следующие задачи: были выявлены ФЕ с компонентами «животные» в указанных словарях, проанализированы их структурно-семантические особенности, представлено место данных ФЕ в русской языковой картине мира, установлено количественное соотношение положительной и отрицательной коннотации ФЕ с компонентом-зоонимом.

Разнообразие типов фразеологизмов создает проблему их систематизации. Классификации фразеологизмов строятся по разным основаниям: по их грамматической структуре [6], по функции, выполняемой в языке и речи [4], по степени семантической слитности компонентов [2; 12], по выразительно-эмоциональным оттенкам значения (модальности) [3] или учитывают как семантику, так и структуру фразеологических единиц [1]. Рассмотрению частотности употребления фразеологизмов с компонентом «животное» в русском и других языках, их лингвокультурологических особенностей, структуры и семантики посвящено довольно большое количество исследований [5; 7; 10; 13]. Ученые приходят к выводу, что слова, обозначающие животных (зоонимы), и как самостоятельные лексические единицы, и в качестве компонента ФЕ относятся к наиболее древнему пласту лексики во всех языках мира и широко употребительны (мы обращались к подобным исследованиям на материале русского и английского языков). Появление ФЕ с компонентом-зоонимом в языке и их активное функционирование в речи объясняется сопоставлением животного мира и мира человека. Через зоонимы ярко передаются качества и образ поведения человека, поскольку роль животных в жизни людей всегда была значима и остается таковой.

В ходе анализа словарного материала методом сплошной выборки нами было выявлено 107 ФЕ с компонентом-зоонимом. Из данного количества 17 ФЕ имеют структуру простого двусоставного предложения (например, *будто муха укусила; вот где собака зарыта; гора родила мышь; комар носа не подточит; кошки скребут; куры не клюют; черная кошка пробежала [проскочила]* и др.), остальные – структуру словосочетания. Все обнаруженные нами фразеологизмы с компонентом-зоонимом мы отнесли к типу идиом в соответствии с классификацией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [1]. Изученные ФЕ имеют такие факторы идиоматичности, как переинтерпретация, непрозрачность, усложнение способа указания на денотат (например, *собаку съел; убить бобра; узнать, где раки зимуют; пускать [красного] петуха; подковать блоху; под мухой* и др.).

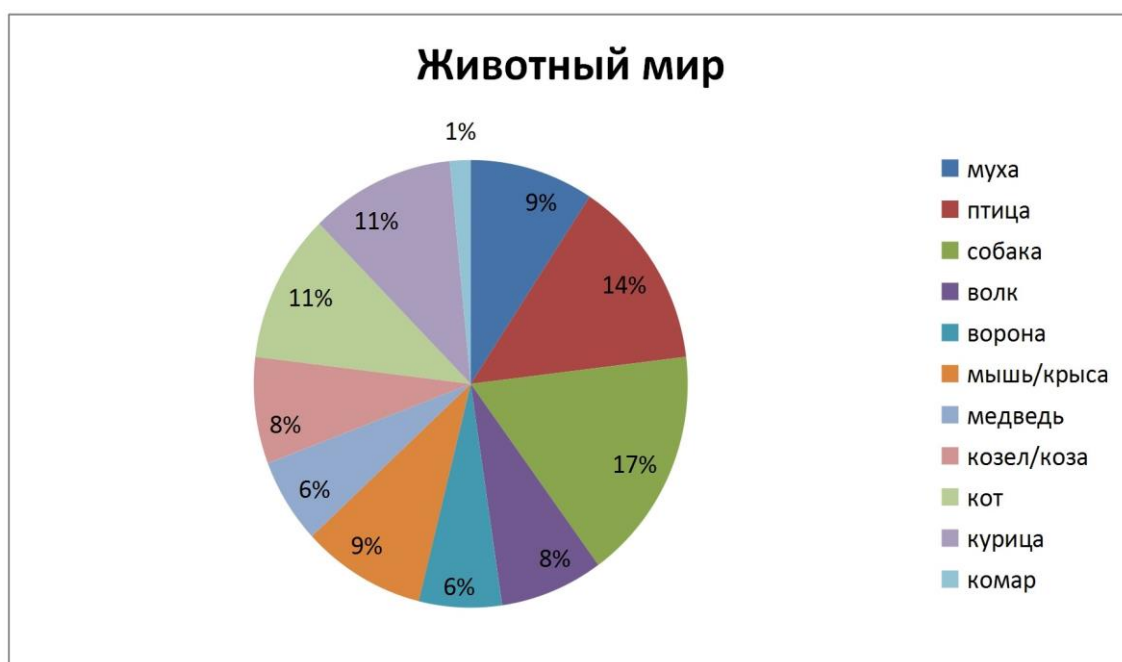
С точки зрения функционально-стилистической все изученные ФЕ представляют собой разговорные обороты, имеющие сниженную экспрессивно-стилистическую окрашенность. Подавляющее большинство их содержит коннотацию оценки – отрицательной или положительной. При этом наблюдаем единичные случаи, когда явная оценка не передается, ФЕ нейтральна, например, *барашек в бумажке; вот где собака зарыта; оседлать [своего любимого] конька; первая ласточка, пускать [красного] петуха*. Данные фразеологизмы либо указывают на явление безотносительно к поведению или качествам человека, либо просто констатируют какой-либо факт. Из рассмотренных ФЕ с компонентом-зоонимом преобладают обороты, передающие отрицательную оценку, указывая на осуждаемое социумом поведение человека путем сравнения с животным (84 ФЕ из общего числа). Как правило, речь идет о

сравнении с дикими животными. Менее частотны ФЕ с компонентом-зоонимом, передающим положительную оценку, т. е. указывающим на те качества или поступки человека, которые социумом одобряются или признаются приемлемыми (23 ФЕ из общего числа). В основном это зоонимы, именующие домашних животных.

Анализ частотности различных зоонимов в составе ФЕ дает следующую картину: *собака (пёс)* (11 случаев фиксации в словарях), *птица/птенец* (9), *кот/кошка* (7), *курица* (7), *муха* (6), *мышь/крыса* (6), *волк* (5), *козел/коза* (5), *медведь* (5), *ворона* (4), *баран/овца* (4), *корова* (3), *рыба* (3), *гусь* (3), *змея* (3), *конь* (3), *осел* (2), *воробей* (2), *тетерев* (2), *заяц* (2), *рак* (2). Словари фиксируют единичные фразеологизмы с компонентом-зоонимом *кобыла*, *белка*, *сокол*, *жираф*, *соловей*, *червяк*, *черепаха*, *комар*, *лиса*, *кукушка*, *ястреб*, *ласточка*, *блоха*, *свинья*, *петух*, *щука*, *бобер*. Ниже представлена диаграмма частотности употребления отдельных компонентов в составе ФЕ.

Диаграмма 1

Частотность употребления отдельных компонентов в составе зоонимических ФЕ

Наиболее частотны фразеологизмы со словами *собака / пёс* – 11 ФЕ: *вешать собак*, *гонять собак*, *как собака на сене*, *нужен как собаке пятая нога*, *псу под хвост* и др. Подавляющее большинство из них имеет отрицательную коннотацию. Данное наблюдение согласуется с исследованием Н. И. Маругиной, которая заключила, что несмотря на то, что собака с древних времён была преданным четвероногим другом человека, большинство ФЕ с лексемой *собака* имеет негативное значение [9]. Например, о том, «кто сам не пользуется чем-либо и не дает пользоваться другим», говорят *собака на сене*, *гонять собак* – «бездельничать,

болтаться без дела», *вешать собак на шею* – «наговаривать, клеветать, необоснованно обвинять в чем-либо» и др. С точки зрения лингвокультурологической это объясняется Ю. Н. Михайловой тем, что представления о собаке как о существе гонимом известны еще из Библии: собака считалась нечистым животным, а ее мясо поганым. Собак не впускали в дом – нужна была сильная непогода, чтобы хозяин из дома не выгнал бы собак [10]. Не можем не отметить и ФЕ с данным компонентом, имеющие положительную коннотацию: *собаку съел*; *собачий нюх*; нейтральную – *вот где собака зарыта*.

ФЕ с компонентом *кошка / кот* также частотны (7): *жить как кошка с собакой* (отрицательная коннотация); *играть в кошки-мышки* (отрицательная коннотация); *кот заплакал* (отрицательная коннотация); *как угорелая кошка* (отрицательная коннотация); *живуч как кошка* (положительная коннотация) и др. Кошка в жизни русского человека занимала и занимает особое место, связанное не только с охраной дома и продуктов питания от грызунов, но и с эмоциональной привязанностью к ней людей. Так, через употребление данного компонента передаются эмоции человека: *кошки скребут (скребли, заскребли) на душе (на сердце)*. Кот всегда был символом благополучия, и сейчас реализуется известная с древности традиция, когда в новый дом сначала впускают кошку, чтобы она «подружилась» с духами, которые будут покровительствовать людям. При этом кошка всегда воспринималась как существо загадочное: *купить кота в мешке*.

Отмечаем нередкое употребление фразеологизмов с компонентом-зоонимом *козел/коза* (5): *как от козла молока* (отрицательная коннотация); *козёл отпущения* (отрицательная коннотация); *пускать (пустить) козла в огород* (отрицательная коннотация) и др. Отрицательная характеристика обусловлена, по мнению Ю. Н. Михайловой тем, что коза у русских крестьян была «коровой бедных» и особой роли в деревенской жизни не играла [10]. Фразеологизмы, включающие компонент, обозначающий других домашних животных, встречаются реже.

Среди ФЕ с компонентом-дикое животное наиболее частотны обороты с лексемами *мышь/крыса* (6), что объяснимо нахождением этих животных рядом с человеческим жильем, возможностью людей наблюдать повадки мышей и крыс в непосредственной близости. Например, *гора родила мышь*; *как церковная крыса (мышь)*; *канцелярская крыса*; *мышинная возня*; *надулся как (будто, словно, точно) мышь на крупу*; *играть как кошка с мышкой* – все они передают отрицательную оценку.

Довольно распространены ФЕ с компонентами *волк* (5) и *медведь* (3), обозначающими наиболее опасных для русского человека хищных зверей. Волк воспринимается у русских людей как коварный, ненасытный и кровожадный хищник, например: *голодный как волк* (отрицательная коннотация). По мнению Ю. Н. Михайловой, ФЕ *волк в овечьей шкуре* – «о

лицемере, прячущем под маской добродетели свои дурные поступки» – восходит к библейскому выражению «Опасайтесь ложных прорицателей: они приходят к вам в овечьей шкуре, но внутри они – волки хищные»[10]. С передачей эмоционального состояния человека связан фразеологизм *хоть волком вой*. С положительной коннотацией отмечаем ФЕ *травленный (старый) волк, морской волк*. Медведь внешне кажется неуклюжим и неповоротливым, чем объясняется значение большинства фразеологизмов с названием этого животного. Например, *медведь на ухо наступил* (отрицательная коннотация); *медвежья услуга* (отрицательная коннотация); *медвежьи объятия* (отрицательная коннотация), *медвежий угол* (отрицательная коннотация). При этом наши предки понимали, насколько опасен медведь, как сложно человеку с ним справиться, отсюда – *делить шкуру неубитого медведя*.

Много в русском языке фразеологизмов с компонентом *птица*, которые обычно обозначают положительные качества человека: *важная птица* – «человек, занимающий высокое служебное или общественное положение, обладающий весом, властью, большим влиянием»; *вольная птица* – «свободный, независимый человек»; *синяя птица* – «символ счастья, то, что воплощает для кого-либо высшее счастье»; *птица высокого полета* – «влиятельный человек, занимающий видное положение в обществе».

Среди птиц наиболее частотным является фразеологизм с компонентом *курица*. Данный компонент характеризует людей с отрицательной стороны: *мокрая курица, слепая курица, как кур во щи попадать*. С данной птицей связано представление как о чем-то неуклюжем, некрасивом, неуместном, несмотря на то что это одна из самых значимых в хозяйстве птиц: *писать (написать) как (будто, словно, точно) курица лапой; носится как курица с яйцом*. Такая оценка закрепились, возможно, потому что курица лишена привлекательных в народном восприятии качеств птиц – способности летать, красиво петь, охотиться.

Отрицательную семантику имеют фразеологизмы с компонентом *ворона*: *белая ворона; ворона в павлиньих перьях; куда ворон костей не занесет*. Фразеологизмы с компонентами *гусь, кукушка, ястреб, ласточка, петух, соловей, тетерев, сокол* менее частотны. Как видно, во фразеологизмах данной категории встречаются названия птиц, многие столетия существующих рядом с человеком.

Встречаем единичные ФЕ, в которых положительные качества передаются через упоминание комара и мухи: *мухи не обидит; комар носа не подточит*. При этом отрицательную коннотацию имеют ФЕ *будто (словно, точно) муха укусила; как сонная муха; мухи дохнут; под мухой*.

В ходе своего исследования С. Б. Кураш и О. Г. Яблонская приходят к заключению, что «в русской фразеологии наименования животных используются как символы, то есть образ

или повадки какого-либо животного переносятся на человека или предметы окружающей действительности, а зооним приобретает общепринятое ассоциативное значение. Таким образом, со временем символ-животное наполняется глубоким социальным и духовным содержанием, которое реализуется во фразеологизмах» [7, с. 153].

Резюмируя материалы исследования, можем сделать следующие выводы. Наиболее частотными ФЕ с компонентом-зоонимом являются обороты со структурой словосочетания, которые наряду с ФЕ, имеющими структуру предложения, представляют собой идиомы, характеризующиеся переинтерпретацией, непрозрачностью, усложнением способа указания на денотат. Фразеологизмы с компонентом «животные» характеризуют как положительные, так и отрицательные качества человека. Было выявлено, что подавляющая часть данных фразеологических единиц содержит негативную оценку. Компонент-зооним в составе фразеологизма имеет ярко выраженную национально-культурную специфику, которая предопределяет его ассоциативные связи и при использовании его в характеристике человека выражает качественную оценку, связанную с очень точными наблюдениями за повадками животного, приписываемыми человеку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс). Учеб. пособие. – 4-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2019. – 312 с.
2. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избр. труды. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
3. Гузикова В. В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц английского языка (на материале прозы С. Моэма и ее переводов на русский язык): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2004. – 20 с.
4. Дементьева М. Ю. Номинативно-когнитивный аспект семантики фразеологизма и слова: на материале тематической группы «Финансовое положение человека» в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2002. – 14 с.
5. Кошарная С. А., Маслов А. С. Фразеологизмы с зоонимными компонентами: современные подходы к изучению // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 г.) / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 197–203. – Режим доступа: https://kpfu.ru/staff_files/F170921091/belgorod.2013.pdf (дата обращения 17.04.2022).

6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
7. Кураш С. Б., Яблонская О. Г. Анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в современном русском языке // Вестник Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина. – 2015. – № 2 (46). – С. 153–158.
8. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 512 с.
9. Маругина Н. И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. – 2009. – № 2 (6). – С. 11–15.
10. Михайлова Ю. Н. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии// Известия Уральского федерального университета. – Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18, № 4. – С. 168–181.
11. Фразеологический словарь русского языка / Сост.: Л. А. Войнова [и др.]; под ред. А. И. Молоткова. – 6 изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – 510 с.
12. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.
13. Шолина А. А., Смирнова Д. С. Зоонимы в русской языковой картине мира // Инновационная наука. – 2015. – № 11-1. – С. 259–261.

БУРОВА А. А.

**СОВРЕМЕННАЯ РЕКЛАМА КАК ИСТОЧНИК
ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. В статье рассматриваются лексические особенности рекламных текстов, которые отражают активные процессы в лексической системе современного русского языка. Процессы способствуют активному и непрерывному пополнению словарного состава русского языка за счет окказионализмов, неологизмов и заимствований, функционирующих в рекламном тексте.

Ключевые слова: рекламный текст, реклама, словарный состав, язык, окказионализмы, лексика, неологизмы, заимствования.

BUROVA A. A.

**MODERN ADVERTISING AS A SOURCE
ENRICHMENT OF THE RUSSIAN VOCABULARY**

Abstract. The article deals with the lexical features of advertising texts, which reflect the active processes in the lexical system of the modern Russian language. The processes contribute to the active and continuous enrichment of the vocabulary of the Russian language due to occasional neologisms and borrowings that function in the advertising text.

Keywords: advertising text, advertising, vocabulary, language, occasionalism, vocabulary, neologisms, borrowings.

Лексика является самой подвижной и открытой частью языка. Многочисленные лингвистические исследования подтверждают факт того, что язык является отражением реалий современной действительности. Лексика чутко реагирует на перемены в социальной, экономической и политической сферах жизни общества. Расширение словарного состава языка особенно активно в периоды радикальных революционных изменений и общественно-политических потрясений.

Открытость и динамизм лексики отчетливо наблюдается при изучении ее исторического развития. Расширение лексической системы любого языка происходит «за счет появления новых слов путем иноязычного заимствования и бурного, нерегламентированного словотворчества» [1, с. 192]. Одни слова уходят из активного употребления или забываются совсем – становятся историзмами, у некоторых в процессе развития языка меняется значение, возникает полисемия, также постепенно появляется ряд новых лексических единиц, необходимых для достоверного описания и точной номинации новых исторических реалий.

В течение продолжительного времени в России неиссякаемым источником пополнения лексического состава языка было литературное творчество выдающихся русских классиков. Но в конце XX века в силу радикальных исторических изменений основными средствами пополнения словарного состава языка стали СМИ, кино, телевидение и, конечно, реклама.

Большую популярность реклама в России получила на рубеже XX – XXI вв. В 1992-1993 гг., когда на отечественном рынке стали появляться западные культурные тенденции и товары и, как следствие, реклама. Иностранная реклама выглядела более впечатляющей, чем отечественная, которая казалась российским гражданам скучной, неинтересной и приевшейся. Появление на российском рекламном рынке западных товаров и рекламы повлекло глобальные изменения в рекламотворческом процессе, языке и сознании русского человека.

Реклама в современном мире все больше внедряется во все сферы социальной жизни: телевидение, Интернет, газеты, магазины, улицы, дом. Она привлекает общественное внимание своей яркостью, необычностью речевых конструкций и образов. Рекламодатели и копирайтеры часто в текстах используют приемы языковых манипуляций, благодаря которым реклама успешно выполняет свои основные задачи – привлечь покупателя и убедить его в необходимости приобретения товара.

Центральным компонентом в структуре рекламного текста является слоган. Любой рекламный слоган должен быть запоминающимся, поскольку он является «визитной карточкой» бренда и укрепляет у потребителей ассоциативную связь с ним. Процесс создания рекламного слогана довольно сложный и требует ответственного подхода. «Грамотное использование языковых структур в слогане является важным фактором успеха рекламной кампании» [7, с. 341]. Одним из самых коммерчески успешных приемов создания рекламных слоганов является использование окказионализмов и неологизмов. Окказионализмы – слова, «возникающие под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла, необходимого в данном случае» [2]. Именно окказионализмы, благодаря своей яркости, выразительности и новизне, привлекают внимание потребителей. Отметим, что отнюдь не каждый рекламный окказионализм может впоследствии перейти в разряд неологизмов, а затем закрепиться в лексической системе языка. Неологизм – «это слова (или словосочетания), которые обозначают новую реалию (предмет или понятие), появившиеся в языке сравнительно недавно и сохраняющие оттенок новизны и необычности» [4, с. 169]. Наличие в языке неологизмов – показатель живучести, открытости и адаптации языка к новым, изменившимся реалиям. Окказионализмы и

неологизмы привлекают внимание к товару или услуге, делают рекламный текст запоминающимся и «модным», а речь – емкой и красочной. Во многом за счет этих лексических единиц рекламы обогащается словарный состав языка, пополняются синонимические ряды.

Собранные нами наглядные материалы, а также изучение научной литературы по данной проблеме позволили определить пути и способы возникновения новых слов в рекламных текстах. Их «конструирование» для рекламных текстов происходит: 1) путем словообразовательной деривации: аффиксации (суффиксации, префиксации), сложением и т. д.; 2) путем семантической деривации; 3) путем заимствования слов из других языков «или из некодифицированных подсистем данного языка» [5, с. 9] .

1. Самым востребованным способом словообразовательной деривации остается аффиксальный. Анализ собранных наглядных материалов показал, что около 42% новых слов в рекламных текстах образовано с помощью аффиксации. Аффиксы присоединяются к мотивирующим словам, в качестве которых чаще всего выступают названия самих брендов.

Приставочный способ словообразования можно назвать самым популярным среди аффиксальных. Часто в рекламе маркетологи используют приставки СУПЕР-, МЕГА- и т. д., которые передают экспрессивность и динамичность рекламному сообщению. Неологизмы, образованные путем префиксации, встречаются на вывесках и витринах, информирующих о распродажах: «СУПЕРЦЕНА», «СУПЕРАКЦИЯ» (информация о скидках на молочную продукцию в розничной сети «Пятерочка»), «СУПЕРУПАКОВКА» (реклама шоколадного драже бренда «M&M»), «День МЕГАСКИДОК» и т. д.

Суффиксация – не менее востребованный способ образования новых слов в рекламных текстах, чем префиксация. Именно он реализован в рекламном слогане колбасных изделий торговой марки «Перово»: «Самые дешевые колбасности». Неологизм «колбасности», основан по такой же образовательной модели, как и существительные *вкусности, пряности*, т. е. «русское слово + суффикс -ост-».

Пожалуй, самым интересным и привлекательным для потребителя способом образования неологизмов в рекламном тексте можно назвать сложение или словосложение. По данной словообразовательной модели образовано большое количество «рекламных» окказионализмов, приблизительно 31% среди всех единиц, образованных путем словообразовательной деривации. Здесь можно выделить две наиболее распространенных модели словообразования. Первый модель: наименование бренда или продукта + слово из русского языка. Яркий пример можно наблюдать в рекламе жевательных конфет бренда «Skittles», где встречается такой окказионализм, как *скиттлзтрянка*, который образован с помощью слов: «Скиттлз» (название бренда) и русского слова *ветрянка*.

В ряде случаев можно наблюдать вторую модель словосложения: «русское слово/основа + иностранное слово» [6, с. 137]. Пример такой модели словосложения можно проследить в названии бреда «Хруsteam». Сочетания русской *хруст* и иностранной *team* (англ. ‘команда’) лексических единиц в данном случае способствует формированию слова с семантикой ‘едим вместе’, ‘хрустим в команде’. Комбинация русского и заимствованного слов создает инновационную словоформу, ассоциирующуюся с русской словоформой «хрустим». При сложении слов или их основ сочетаются значения обоих слов, что способствует «повышению смысловой емкости и усилению выразительности» [7, с. 342] в рекламной тексте.

2. Семантический способ образования неологизмов в рекламном тексте не столь популярен и уступает ранее рассмотренным. По нашим подсчетам их 3%. Неологизмы, образованные семантическим способом, могут: 1 – «обновить» значение слова, т. е. слово «полностью утрачивает старое значение и употребляется только в новом» [7, с. 342]; 2 – слово становится многозначным, т. е. к «семантической структуре сохраняются и продолжают существовать оба значения» [7, с. 342]. Второй вариант наиболее частотный для рекламных текстов.

Пример семантического неологизма встречается в рекламном слогане, оповещающем о распродаже гаджетов и мобильных телефонов в магазине бытовой техники и электроники «Ситилинк»: «Тотальная мобилизация». Слово *мобилизация* в данном контексте приобретает новое значение, связанное с мобильными телефонами и гаджетами. Следует отметить, что большую роль в данном семантическом словообразовании отведено фонетическому и грамматическому сходству слов *мобилизация* и *мобильный*, которое, вероятно, мотивировало к созданию неологизма.

3. Заимствованные слова из других языков (*smile, connect, second-hand* и т.д.): «Смайл» (название стоматологической клиники), «Second Hand» (название магазина уцененных, поддержанных товаров), «Connecting people» (слоган бреда «Nokia», производящего мобильные телефоны). Копирайтеры, стараясь привлечь внимание, часто используют в слоганах и рекламных обращениях иностранную лексику. В 55% русских рекламных слоганов встречается заимствованная лексика.

Заимствованные слова нередко подвергаются различным изменениям (префиксации, суффиксации, сложению и т. д.), что помогает им приобрести «привычный» для носителя языка вид, «прижиться» в языке и пополнить его лексический состав. Например, к английскому слову «*smile*» присоединился суффикс -ик-, таким образом в русском языке появилось слово *смайлик*, обозначающее ‘улыбающееся лицо’.

Рекламный слоган бренда «Nokia» – «*Connecting people*» (англ. ‘соединяя людей’) – способствовал появлению в русском языке глагола *коннектиться* со значением ‘наладить общение’, ‘подружиться’, ‘встречаться’ и т. д.

Слова из некодифицированных подсистем языка (диалектов, просторечий) практически не встречаются в рекламе. Однако такие разговорные слова, как *тусовка* и *тусить*, жаргонизмы (*улет*, *кайф*, *клево*, *прикол*) можно увидеть в рекламных текстах, адресованных представителям подрастающего и молодого поколения, а именно в рекламах ночных клубов или антинаркотических рекламах и акциях: «*Полный улет*», «*смельчаку может хватить одного укола, чтобы «приколоться» навсегда...*» и т. д. Жаргонизмы характеризуются сниженной оценочной семантикой, поэтому его часто используют маркетологи и психологи в манипулятивных целях, призывая отказаться молодежь от вредных привычек и сделать выбор в пользу здорового образа жизни.

Таким образом, окказионализмы придают рекламному тексту особую выразительность, экспрессивность, оригинальность, чем привлекают внимание потенциального потребителя. Появление и функционирование окказионализмов в рекламном тексте – процесс, который может обеспечить пополнение словарного состава языка, если они одобряются социумом, закрепляются и фиксируются в лексической системе языка, становясь неологизмами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бедаконова З. К. Рекламный текст как отражение активных процессов в лексической системе русского языка // Вестник Адыгейского государственного университета – 2006. – № 1. – С. 192–194 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11838436_80894448.pdf (дата обращения: 23.03.2022).
2. Бельчиков Ю. А. Окказионализмы / Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2686792> (дата обращения: 02.04.2022).
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 304 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://dl.booksee.org/genesis/593000/701b5120a41e184fbc2e818e0510f938/_as/\[Nina_Sergeevna_Valgina\]_Aktivnuee_processue_v_sov\(BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/593000/701b5120a41e184fbc2e818e0510f938/_as/[Nina_Sergeevna_Valgina]_Aktivnuee_processue_v_sov(BookSee.org).pdf) (дата обращения: 23.03.2022).
4. Вендина Т. И. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 2001. – 288 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://static.my-shop.ru/product/pdf/203/2028512.pdf> (дата обращения: 24.03.2022).

5. Волостных А. В. Функции неологизмов в рекламном тексте (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. – 24 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01002751915.pdf (дата обращения: 22.03.2022).

6. Никифорова Е. Б. Формирование новых слов как результат лингвокреативной деятельности социума // Известия ВГПУ. Серия «Филологические науки». № 5(138). – Волгоград: Перемена, 2019. – С. 134–139 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38170965_87499978.pdf (дата обращения: 04.03.2022)

7. Соловей А. И. Использование неологизмов в современных рекламных текстах // Молодой ученый. – 2018. – № 16 (202). – С. 341–343 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/202/49523/> (дата обращения: 21.03.2022).